

А.А.Леонтьев

Что такое язык

**АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕ-
ВИЧ ЛЕОНТЬЕВ** — доктор филологических наук. Родился в 1936 г. После окончания филологического факультета Московского государственного университета в 1958 г. — сотрудник Института языкознания АН СССР.

А. А. Леонтьев — инициатор разработки в советской науке проблем психолингвистики — раздела языкознания, исследующего общие закономерности речевой деятельности. Автор монографий «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания», «Психология общения» и др.; научно-популярных книг и брошюр «Возникновение и первоначальное развитие языка», «Язык и разум человека», «Языкознание и психология» и др.

С 1969 г. руководил в Институте языкознания АН СССР группой психолингвистики и теории коммуникации. С 1975 г. — заведующий кафедрой методики и психологии Института русского языка им. А. С. Пушкина.

А. А. Леонтьев

Библиотечка
Детской
энциклопедии

Что такое язык

Редакционная
коллегия:
И. В. Петрянов
(главный редактор)
И. Л. Кнуляни

Москва
«Педагогика»
1976

Артоболевский И. И.	Кедров Б. М.
Банников А. Г.	Ким М. П.
Благой Д. Д.	Кузин Н. П.
Брусничкина Р. Д.	Кузовников А. М.
Буцкус П. Ф.	Леонтьев А. Н.
Ворожейкин И. Е.	Лурия А. Р.
Воронцов-Вельяминов Б. А.	Михалков С. В.
Генкель П. А.	Нечкина М. В.
Герасимов С. А.	Паначин Ф. Г.
Гончаров А. Д.	Петрянов И. В.
Горшков Г. П.	Разумный В. А.
Данилов А. И.	Соловьев А. И.
Джигладзе Г. Н.	Тимофеев Л. И.
Доликина Н. Г.	Тихвинский С. Л.
Дубинин Н. П.	Тяжелыников Е. М.
Иванович К. А.	Хачатуров Т. С.
Измайлов А. Э.	Цаголов Н. А.
Кабалевский Д. Б.	Царев М. И.
	Чепелев В. И.

Леонтьев А. А.**Л47 Что такое язык. М., «Педагогика», 1976.**

96 с. с ил. (Библиотечка Детской энциклопедии

«Ученые — школьнику»).

В книге доктора филологических наук А. А. Леонтьева в популярной форме излагаются общие сведения о том, что такое язык и для чего он нужен человеку, о классификации языков и их разных типах, о соотношении языка и мышления, языка и общества.

Рассказывается о науке, изучающей язык, — лингвистике, о ее прошлом, настоящем и будущем.

Книга рассчитана на школьников-старшеклассников и может являться пособием для факультативных занятий.

Л $\frac{60700-028}{005(01)-76}$ 53—76

4

Что такое язык? В романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» есть глава, где описывается, как путешественники, плывшие на корабле по океану, нашли на палубе... замерзшие слова. Похожие на красные, желтые, зеленые градины, эти слова в руках оттаивали и начинали звучать.

В этих словах Рабле скрыт глубокий смысл. Действительно, слова как будто существуют вне человека. Если они напечатаны в книге, их можно увидеть, как можно увидеть любой предмет внешнего мира. Если они сказаны, их можно услышать, как можно услышать любой звук, а записав на граммофонную пластинку, их можно сохранять «впрок». Если же слова написаны специальным шрифтом из выпуклых точек, то их можно даже пощупать. А если так, почему не допустить, хотя бы в шутку, что на слова распространяются законы, действующие в мире физических тел?

Такой взгляд на слова и вообще на язык высказывался в прошлом веке вполне серьезно. Язык называли организмом и думали, что языки ведут между собой «борьбу за существование» и подчиняются закону естественного отбора, совсем как животные или растения.

Но очень скоро поняли, что такой взгляд на язык неправилен. Тогда же решили: язык — это явление примерно того же типа, что мышечная деятельность, и поэтому язык, или речь, целиком обуславливается строением и работой организма **каждого отдельного человека**. А так как совершенно независимых от человеческого общества людей не бывает, то люди, общаясь, якобы сглаживают индивидуальные особенности своих языков и начинают говорить на «среднем» языке.

Так ли это? Действительно ли каждому отдельному человеку свойственно говорить, как ему свойственно

дышать или ходить, и действительно ли язык народа — это простое «среднее арифметическое» индивидуальных языков?

Если так, значит, человек, изолированный от общества, все равно стал бы говорить, разве что его речь была бы несколько иной, чем речь других людей. Науке же известно свыше 30 случаев, когда дети вырастали среди животных, как Маугли из повести Киплинга. **И ни один из этих детей не умел говорить.**

Значит, умение говорить не врожденная способность человека. Язык, как и все другие **человеческие** способности, входит в социальный опыт человечества, развивается вместе с человеческим обществом и усваивается каждым отдельным человеком только благодаря общению с другими людьми.

Потому и возникло представление о языке как о чем-то, имеющем самостоятельное существование. Для каждого человека язык как будто действительно что-то внешнее, но, если бы не было человеческого **общества**, не было бы и языка. Язык — это продукт общественной деятельности, это отличительная особенность общества.

А зачем нужен язык? Для чего нужна человеку членораздельная речь?

Во-первых, для того, чтобы люди могли обмениваться мыслями при всякого рода совместной деятельности, т. е. он нужен как средство **общения**. Правда, кроме языка для этой цели могут использоваться и другие средства, например система знаков, регулирующих уличное движение.

Во-вторых, язык нужен для того, чтобы **закреплять** и **сохранять** коллективный опыт человечества, достижения общественной практики. Когда Архимед открыл свой знаменитый закон, то первое, что он при этом сделал, — сформулировал этот закон в словах, выразил свою мысль так, что она стала доступной для понимания и его современникам, и нам — его далеким потомкам. Когда вы учитесь в школе, вы усваиваете достижения

общественного опыта по учебникам, где необходимые сведения изложены в языковой форме.

Наконец, в-третьих, язык нужен для того, чтобы человек мог с его помощью **выразить** свои мысли, чувства, эмоции. Например, в стихах человек передает самые сокровенные мысли, чувства, переживания. И все это благодаря языку.

Без языка не было бы самого человека, потому что все то, что есть в нем человеческого, связано с языком, выражается в языке и закрепляется в языке.

Лингвистика — наука о языке. Как-то я увидел необычную сцену. Группа московских школьников шла по улице Волхонке. Увидев на одном из домов вывеску «Институт русского языка Академии наук СССР», они удивились — такой странной показалась им мысль, что целый институт может заниматься изучением понятно-го даже им языка!

А странного ничего нет. Многие ученые посвятили свою жизнь изучению того, что такое язык — как он устроен, как функционирует, для чего нужен. Наука, которая всем этим занимается, называется языкознанием или лингвистикой — от латинского слова «лингва», что означает «язык». О ней и о том, что она изучает, — речь в этой книге.

Лингвистика появилась не потому, что кому-то захотелось поразмышлять о языке. Как и все науки, она родилась из потребностей практики. Произошло это впервые в древней Индии. Вам, вероятно, известно, что у индийцев есть священные книги — «Веды», написанные еще в III—II тысячелетиях до н. э. Шли века, язык индийцев — так называемый санскрит — развивался и изменялся, и в конце концов уже к началу нашей эры индийцам стало трудно понимать свои священные книги. Возникла необходимость сравнить язык «Вед» и язык, на котором люди говорили в обыденной жизни, чтобы можно было специально учить жрецов-брахма-

нов чтению священных книг. Так и началась наука о языке.

Но наукой в подлинном смысле слова лингвистика стала только 150 лет тому назад, когда ее предмет был четко отграничен от предметов других наук. Стало ясно, что лингвистика — это не часть философии и не часть истории, что она не совпадает ни с литературоведением, ни с логикой, ни с психологией, хотя все эти науки изучают в какой-то мере язык. Были разработаны специальные приемы и методы, позволившие за полтора века узнать о языке столько, сколько человечество не смогло узнать за две тысячи лет.

В чем же взгляд лингвистики на язык отличается от взгляда других наук?

Все другие науки изучают язык не сам по себе, а как средство, орудие какой-то определенной деятельности. Скажем, психолога язык интересует как орудие мышления, как опора памяти, как предмет, скажем, изучения в школе. Логик занимается языком как формой логических утверждений. Для литературоведа язык — это первоэлемент любого произведения. Для историка — это ключ к древним памятникам: надписям, грамотам и т. д.

Для лингвиста же менее важны способы использования языка в разных областях жизни и деятельности человека. Можно сравнить лингвиста с физиком: в сущности, логик и психолог, литературовед и историк так же пользуются плодами работы лингвиста, как инженер пользуется плодами работы физика.

Попытаемся разобраться в том, что же видит в языке лингвист. Прежде всего поговорим о сущности языка, о его важнейших свойствах. Часто ограничиваются тем, что считают: язык — орудие общения, орудие коммуникации. Это, конечно, верно, но не исчерпывает всей языковедческой проблематики. Самое главное для человека состоит в том, что язык является одновременно и орудием общения, и орудием обобщения. Он позволяет нам

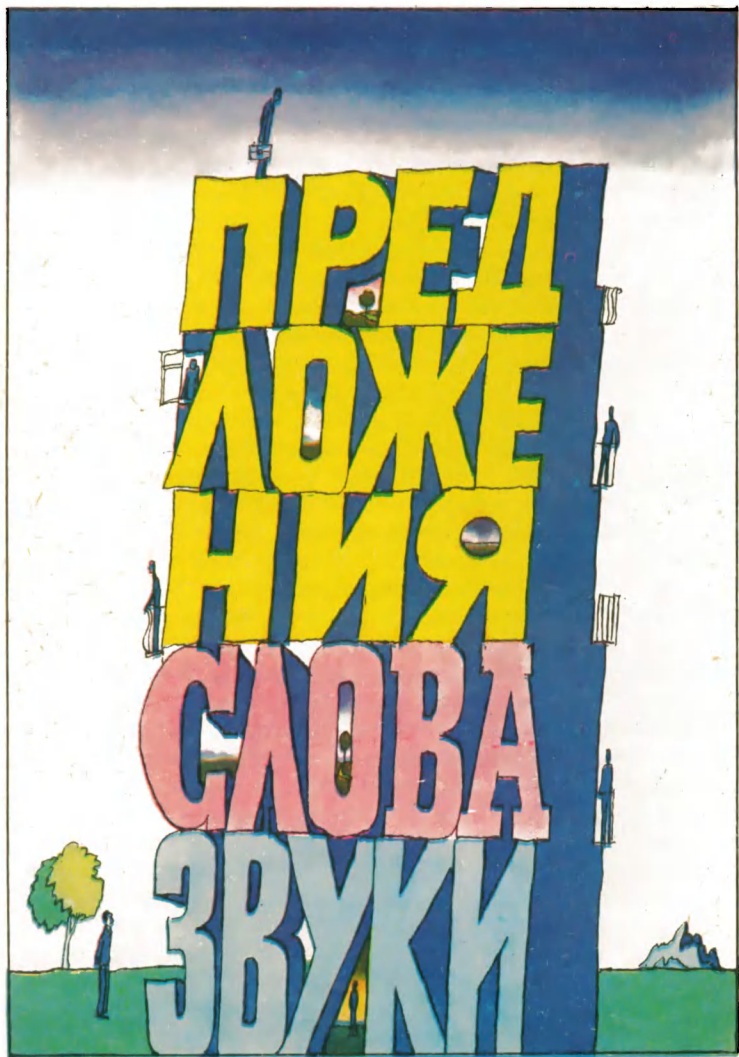

передавать друг другу самые сложнейшие идеи и понятия и в то же время дает возможность закрепить эти идеи и понятия в определенных внешних формах слов, словосочетаний и предложений, общепонятных и общепринятых, и свободно оперировать ими.

И устроен язык так, что он может выполнять эти свои функции наилучшим образом. Как же именно он устроен, какова его внутренняя организация?

Одно из важнейших понятий современной лингвистики — это понятие единицы языка. Вы уже сталкивались в своей практике с различными лингвистическими единицами. Примеры такой единицы — слово, предложение, слог, основа, суффикс или окончание, наконец, отдельный звук. Лингвисты изучают, из каких отдельных «кирпичиков» складывается (или, если хотите, на какие «кирпичики» может распадаться) речевое высказывание, в каких отношениях эти единицы находятся друг к другу в языке и в потоке речи. Например, различные грамматические формы слова — **стол, стола, столу** и т. д. — составляют друг с другом систему, которую называют системой падежей, а все звуки составляют систему, называемую звуковой или фонологической системой. Главное различие между звуками разных языков как раз и заключается не в том, насколько эти звуки внешне похожи или непохожи друг на друга, а в том, в каких отношениях они находятся друг к другу. В русском языке все согласные делятся на твердые и мягкие, а в английском, французском, немецком языках такого противопоставления нет. И русский, когда он говорит, бессознательно контролирует себя, чтобы не сказать, допустим, **СТОЛЬ** вместо **СТОЛ** — получится другое слово; а англичанин может сколько угодно смягчать свое **Л** — английское слово будет от этого странно звучать для уха англичанина, но в смысле слова ничего не изменится.

Пример того, как связаны единицы друг с другом в потоке речи, — правила строения слова. Скажем, слог

вроде ВСПЯТЬ, в русском языке не такой уж необычный, совершенно невозможен в некоторых других языках.

В полинезийских языках островов Океании невозможен потому, что там вообще не бывает слогов, оканчивающихся на согласный: город ГО-НУ-ЛУ-ЛУ, острова ТУ-А-МО-ТУ.

Во вьетнамском языке — потому, что слог в этом языке никогда не начинается с нескольких согласных и не может кончаться ни на один согласный, кроме носовых: Ли Тоанг Тханг.

Можно считать, что большие единицы, например слова, построены из меньших, например звуков. Вся эта «постройка» состоит из последовательных «этажей»: из звуков складываются грамматические единицы (корни, суффиксы, окончания); из них, в свою очередь, строится слово; из слов — предложения. Такие «этажи» в лингвистике называют уровнями языка: уровень звуков, уровень слов.

И в зависимости от того, какой уровень языка мы изучаем, лингвистика распадается на отдельные дисциплины, или отрасли.

Перечисление этих составных частей лингвистической науки лучше всего начать с фонетики, которая изучает звуки. Нередко говорят о двух самостоятельных областях: фонетике и фонологии. Фонетика занимается тем, что изучает, каковы звуки языка, не обращая внимания на их взаимоотношения в системе языка. А фонология как раз интересуется прежде всего системой звуков. Один и тот же звук каждая из этих двух дисциплин рассматривает с разных сторон. Скажем, последний звук в слове **столб** для фонетиста ничем не отличается от последнего звука в слове **поп**. А фонолог увидит здесь две разные единицы: для него Б в слове **столб** — это так называемый позиционный вариант звука, или фонемы, Б, которая ясно слышится в форме родительного падежа — **столба**.

Следующий «этаж» — грамматические единицы — изучается грамматикой. Она, в свою очередь, распадается на словообразование, которое изучает, из каких грамматических единиц составлено слово, морфологию и синтаксис.

Значения слов и словосочетаний изучает семантика, или семасиология. А взаимоотношения различных слов внутри языка изучаются лексикологией. Наконец, особая область, называемая стилистикой, занимается тем, какие слова и конструкции принято употреблять в различных условиях общения: например, на собрании человек, выступая, использует больше книжных слов, чем во время разговора в коридоре, даже если разговор происходит на ту же тему.

Чтобы наука смогла ответить на вопрос, как группируются языки мира по своим родственным связям, какие группы, или семьи, языков существуют на земном шаре, ей надо было сначала понять, что такое родственные языки и каким способом можно узнать, родственны они или нет. Этим занимается лингвистическая дисциплина, называемая сравнительно-историческим языкознанием. Она разработала особый точный метод, называемый сравнительно-историческим. Применяя этот метод к различным языкам, удалось, в частности, установить, что очень многие языки, казалось бы, мало похожие друг на друга, связаны общностью происхождения от одного и того же древнейшего языка и, значит, родственны. Их объединяют в так называемые семьи. Таких семей сейчас обнаружено несколько десятков.

Лингвистика занимается и историей того или иного отдельного языка, прослеживая, как он развивался от своего первоначального состояния (например, древнерусского языка) до современного (скажем, нашего с вами современного русского языка). Особая ее отрасль, называемая диалектологией, изучает территориальные разновидности языка (например, в одной части нашей

страны говорят по-русски óкая (водá»), а в другой — áкают (вадá»).

В последнее время появилась масса новых отраслей лингвистической науки. Это не удивительно. Сейчас происходит общий процесс сближения наук, ранее считавшихся различными; появляются пограничные науки: астробиология, физическая химия, биохимия и т. д. Тот же процесс породил такие направления, или области, в современной науке о языке, как математическая лингвистика — она занимается исследованием языка математическими методами; социолингвистика, изучающая, как отражается в языке социальная структура общества, и другие аналогичные вопросы; психолингвистика — она интересуется тем, какие единицы языка имеют свои параллели в деятельности коры головного мозга, результатом которой является речь. А совсем недавно появились первые работы по космической лингвистике, где изучается вопрос о том, как мы сможем прочесть и расшифровать сообщения, переданные нам с других планетных систем представителями иных, чуждых нашей цивилизаций.

Как видите, в лингвистике есть чем заниматься. Это наука сложная, интересная. Предмет ее исследований, язык, стоит в центре многих проблем, связанных с жизнью и деятельностью человека в обществе. Ведь, как известно, именно труд и язык сделали человека человеком.

И такая отвлеченная и на первый взгляд ненужная наука, как лингвистика, на самом деле неизмеримо важна. Она помогает нам понять законы жизни и развития человечества. А это значит, что она в конечном счете помогает построить на земле самое справедливое и человеческое общество — коммунистическое общество.

Языковые семьи. «Языковая семья», «семья языков» — это совсем не метафора, выдуманная нами для занимательности. Специалисты-языковеды употребляют этот термин вполне серьезно. Так же серьезно они говорят о том, что один язык родствен или не родствен другому. А один известный лингвист, — правда, наполовину в шутку, — говорил даже о языках, которые находятся между собой не в родстве, а в «свойстве», как родители мужа с родителями жены.

Из каких же «родственников» состоят эти «семьи» и какое родство их связывает? Казалось бы, довольно трудно установить, какие из языков родственны, какие нет, какие более «близкие родственники», какие «седьмая вода на киселе». Любому внимательному человеку ясно, что сходство в словарном составе, например, еще ничего не говорит о родстве: оно может быть результатом простого заимствования. Вместе с животными, растениями, продуктами и различными предметами, перевозимыми с одного континента на другой, путешествуют и их названия; вместе с идеями, распространяемыми по земному шару, распространяются и связанные с ними слова. В русском языке есть слова, взятые из языков Австралии (динго, кенгуру, бумеранг), Африки (кофе, тамтам), Америки (вигвам, томат, лама). Но это совсем не означает, что русский язык — родственник, скажем, австралийским языкам. Языковедческая наука давно выработала строгий метод, позволяющий с почти математической точностью установить степень родства и сам факт этого родства, — так называемый сравнительно-исторический метод.

Родственными лингвисты называют такие языки, которые восходят к одному языку-предку. До того, как появились отдельные славянские народности: русские,

поляки, чехи, болгары — и отдельные языки: русский, польский, чешский, болгарский, — существовала одна народность, говорившая на общеславянском языке. В этом языке были, как и в любом другом языке, диалекты, несколько отличавшиеся друг от друга. Затем, когда различные группы славян расселились по разным местам Европы, разница между этими диалектами становилась все больше и больше, пока они не разошлись настолько, что стали самостоятельными языками. Общеславянский язык существовал 1,5—2 тысячи лет назад, а вот, скажем, общеполинезийский распался совсем недавно, лет 500 тому назад, и возникшие из него языки туземцев Океании (гавайский, самоа, маори) еще очень похожи друг на друга: гаваец хотя и с трудом, но может понять самоанца.

Почему же мы с полной уверенностью утверждаем, что славянские языки родственны друг другу? Потому, что мы знаем правила, по которым, взяв русское слово, можем точно сказать, как оно должно звучать в польском или чешском языке (если, конечно, соответствующее слово в этих языках сохранилось). Например, все заимствованные русские слова, в которых имеется сочетание **-оро-** имеют в польском **-ro-**, а в чешском **-ra-**: **город** — польск. *grodzić* («гроджич») — загораживать, чешск. *hrad* («град»); **корова** — польск. *krowa* («крова»), чешск. *krawa* («крава»). Там, где русский произнесет **ре, ри**, поляк обязательно скажет *rze, rzy* (**же, жи**): **море** — *morze* («може»), **гриб** — *grzyb* («гжиб»); почти всякому **д** или **т** в русском слове (за редкими, хорошо известными исключениями) будут соответствовать в польском слове **d** и **t**, но смягченным русским **дъ** и **ть** в польском языке отвечают совсем другие звуки — **ć** (мягкое **ц** или **ч**) и **dź** (мягкое «дзь»): **тетя** — *ciocia* («чоча»), **гость** — *gość* («гошчь»), **дикий** — *dziki* («дзикий»), **медь** — *miedź* («медзь»).

Таким образом, если сходные по значению слова в разных языках связаны строгими правилами «фонети-

ВОЛК

ВЛЪКЪ

VIĹKAS

VŮKAN

vāhrkō

wulfs

WOLF

русский
старославянский
литовский

санскрит
древнеперсидский
готский
английский

ческого перевода», эти языки родственны. Можно восстановить даже то, как звучали слова в языке-основе, в нашем случае — в общеславянском. Вот как рассуждал, например, известный русский лингвист А. Х. Востоков. Некоторым русским словам со звуком у (**зуб**) в старославянском (мертвый ныне язык IX—XI вв.) соответствуют слова, в которых на месте у писалась буква **ж** («юс большой»): **зжбъ**. Как она могла читаться? А. Х. Востоков сравнил, как те же слова звучат в других славянских языках. Оказалось, что в польском все эти слова пишутся с **о** носовым, т. е. **z o b**. В македонском языке, который из современных славянских языков ближе всего стоит к старославянскому, произносится сочетание «гласный + носовой согласный»: **зомб**. Потому он выдвинул предположение, что старославянский «юс большой» произносился как **о** носовое и что именно такое произношение было свойственно общеславянскому языку, из которого развились все современные славянские языки.

Славянские языки — это языки близкородственные (впрочем, внутри них можно найти еще более тесно сплоченные языковые ячейки: русский, украинский и белорусский языки ближе друг к другу, чем к польскому или чешскому, а эти два, в свою очередь, ближе друг к другу, чем к русскому или сербскому языку). Следующая степень родства связывает их с балтийскими языками — литовским и латышским. И общеславянский и общебалтийский языки, вероятно, возникли из единого — общебалтославянского.

Более дальними родственниками славянских языков являются другие языки, причисляемые — вместе со славянскими — к индоевропейской языковой семье. Сюда относятся германские языки, романские, греческий, армянский, албанский, иранские (например, персидский, таджикский, осетинский), индийские (например, хинди, бенгальский) и т. д. Таким образом, если считать общеславянский язык языком-отцом, то русский язык

находится с немецким в троюродном родстве. Не мудрено, что они так мало похожи друг на друга! Но и здесь есть строгие законы, доказывающие их родство. Если взять, например, древнеиндийское слово *bhrātar*¹ и проследить, как звучит то же слово в других индоевропейских языках: древнегреч. *frater*, лат. *frater*. древненем. *bruoder*, старослав. братъ, — то можно написать такую «формулу»: древнеинд. *bh* = древнегреч. *f* = лат. *f* = древненем. *b* = слав. б. Проверим эту формулу: возьмем другое древнеиндийское слово на *bh*, например глагол *bharami*— несу: древнегреч. *fero*, лат. *fero*, готское² *baiga*, слав. бером³. Наша формула «сработала». Попробуем еще раз: древнеинд. *nabhas* (облако), древнегреч. *nefos*, слав. небо, но почему-то латинское *nebula* (туман), древнесаксонское⁴ *newal* (облако).

Почему? Обратите внимание на одну тонкость: в словах **брат** и **несу** согласный *bh(f)* стоит в начале слова, перед гласным или согласным. А в словах **облако**, **небо** тот же звук стоит в середине слова между двумя гласными. Значит, важно не только то, какой звук мы имеем, но и то, в какой позиции, в каком положении он стоит.

Существуют целые толстенные тома, где эти правила изложены со всеми тонкостями (а их гораздо больше, чем можно подумать!). В заглавии таких томов обязательно встречаются слова «сравнительная грамматика», а далее указывается, какие языки мы сравниваем.

У читателя может возникнуть недоумение. Понятно, что носители будущих славянских языков когда-то

¹ Произносится «бхраатар». Все приводимые далее слова, кроме греческого, означают «брат», а греческое слово — «родственник», член фратрии.

² Это тоже древнегерманский язык.

³ Здесь, собственно, не *ом*, а носовое *о*, обозначаемое «юсом большим».

⁴ Еще один древнегерманский язык, который был распространен в северной части современной Германии. Буква *w* обозначает здесь не русское *в*, а звук типа английского *w*.

вполне могли жить очень близко друг от друга — ведь и сейчас они не так уж далеки. Но как-то трудно поверить, что предки нынешних жителей севера Европы — датчан, шведов, норвежцев — были некогда соседями будущих индусов. Что заставило их разойтись в разные концы света, а их языки — стать такими непохожими?

Ответить на этот вопрос точно мы не можем. Но у нас нет никакого сомнения в том, что дело было именно так. Сравнивая различные индоевропейские языки и устанавливая, какие слова общи для всех них, можно примерно представить себе словарный состав общеиндоевропейского языка, узнать, названия каких природных явлений, растений, животных в нем были, т. е. какая природа окружала индоевропейцев в ту пору. Оказалось, что это природа, соответствующая в общих чертах условиям центральной Европы.

Прослеживая сходства и несходства в языках, узнавая, какие слова заимствовались из других языков в индоевропейские и из индоевропейских в другие языки, можно судить о том, что было с индоевропейцами дальше. Вот два примера. У армянского языка есть черты, объединяющие его с языками Балканского полуострова; наверное, какую-то часть исторического пути армяне шли вместе с греками и албанцами. В текстах на языке древнего государства Митанни (в районе теперешней Сирии) есть слова, очень похожие на слова древнеиндийского языка. Все они связаны с коневодством. Ученые предполагают, что будущие индийцы проходили «мимо» Митанни и что от них митаннийцы впервые узнали о лошадях и научились коневодству.

До сих пор неизвестно, есть ли у индоевропейских языков еще более далекие «родственники». Неоднократно пытались, например, доказать родство индоевропейских языков с семитскими (ассиро-вавилонский, арабский, древнееврейский, эфиопский), но без особого успеха: еще не удалось найти правил закономерного звукового соответствия, которым подчинялись бы если

не все, то по крайней мере основная масса слов этих языков.

В некоторых случаях среди ученых нет единства: одни объединяют языки так, а другие — несколько иначе. Это бывает тогда, когда до нас не дошли сведения об истории данного языка и нам трудно восстановить язык-основу. Вы, конечно, обратили внимание, что индоевропейские примеры взяты сплошь из древних языков: современные испытали слишком много различных влияний, и непосредственно сопоставлять их очень сложно. А вот, например, история вьетнамского языка нам совершенно неизвестна — остается только догадываться, как звучали вьетнамские слова четыреста, пятьсот, тысячу лет тому назад. Поэтому взаимоотношение его с китайским (и тибетским: эти два языка явно родственны, — впрочем, мы знаем их и в древнейшем состоянии!) и бирманским языками не совсем ясно. То же относится и к языкам Западной Африки, индейским языкам Америки.

Есть, правда, и такие языки, родственные связи которых, несмотря на все усилия, не удастся установить. Сюда относятся баскский, японский, корейский языки, а в нашей стране — язык нивхов, или гиляков, на Сахалине, кетский язык в среднем течении Енисея и некоторые другие.

Очень сложно обстоит дело с языками Кавказа. Известно только, что все кавказские языки¹ распадаются на четыре группы. Абхазский родствен адыгейскому и кабардинскому, чеченский — ингушскому, аварский — лакскому, лезгинскому и другим языкам Дагестана, грузинский — сванскому, мегрельскому, чанскому. Но вот родственники ли, скажем, абхазский и грузинский языки или только «соседи» и «близкие знакомые» — сказать трудно.

---

¹ Кроме, конечно, заведомо принадлежащих к другим семьям — азербайджанского, осетинского и др.

То же относится к палеоазиатским, т. е. древнеазиатским, языкам. Их условно, «в кредит», объединяют в одну группу, но никто не доказал, что чукотский язык родствен юкагирскому или языку нивхов на Сахалине. Правда, доказано родство чукотского с языками Камчатки.

Классификация языков по родству называется в науке генетической или генеалогической. Есть и другая классификация — морфологическая, или типологическая, для которой неважно, родственны языки друг другу или нет.

Карта языков мира. И все же лингвистам удалось классифицировать большую часть языков мира, распределив их по семьям и группам. Расскажем о важнейших группировках языков. Понятия «семья» и «группа» языков не общеприняты: часто их употребляют вперемешку. Иногда группы называют ветвями. В последнее время вместо, например, индоевропейская или семито-хамитская семья пишут просто индоевропейские языки, семито-хамитские языки и т. д.

Индоевропейские языки — 1782 млн. человек, 47% всего населения мира. (Данные — на середину 1972 г.)

Славянская группа (265 млн. человек) делится на три подгруппы: восточнославянскую (русский, украинский, белорусский языки), западнославянскую (польский, чешский, словацкий и лужицкий языки) и южнославянскую (словенский, сербскохорватский, македонский и болгарский языки). На языках этой группы говорит более 3/4 населения Советского Союза и основная часть населения Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии.

К славянским языкам во многих отношениях близки балтийские, или летто-литовские, языки (4,5 млн. человек) — латышский и литовский.

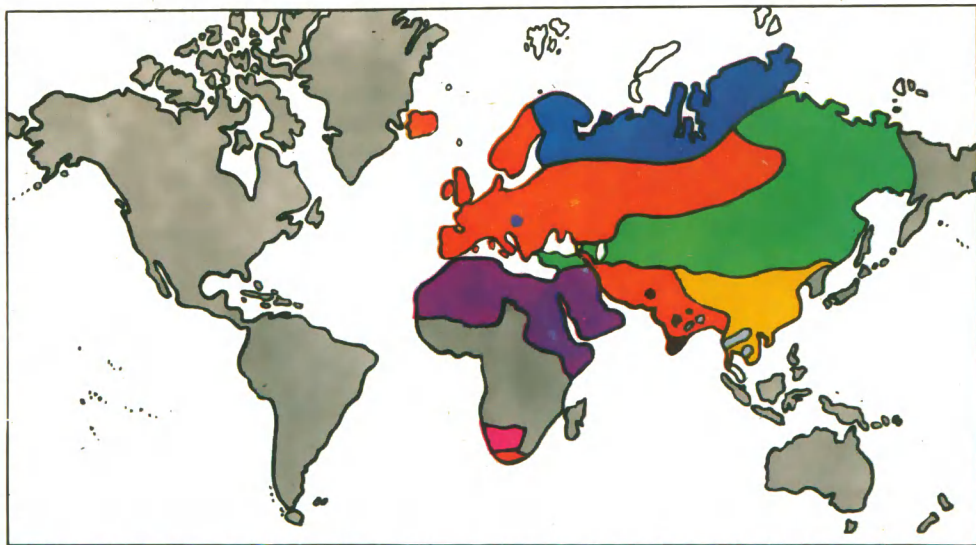
Германская группа (415 млн. человек). Сюда относится большая часть языков Западной Европы: сканди-

навские языки (датский, шведский, норвежский, исландский), английский, голландский, немецкий языки и ряд других языков. По-английски говорят свыше 250 млн. человек не только в Англии, но и в США, Канаде, ЮАР, Австралии, Новой Зеландии и т. д.; по-немецки (свыше 100 млн. человек) кроме ГДР и ФРГ говорят в Австрии, Швейцарии. Один язык германской группы распространен только в Южной Африке — это бурский язык переселенцев из Голландии.

Кельтская группа (9,5 млн. человек). На языках этой группы говорят в Ирландии, а также во Франции, на полуострове Бретань (бретонский язык) и в Великобритании — в Шотландии (гэльский язык) и в Уэльсе (валлийский язык). Из мертвых языков сюда относится язык древних галлов, живших на территории современной Франции.

Романская группа (445 млн. человек) — французский, испанский (на нем говорит кроме испанцев большая часть населения Латинской Америки), итальянский, румынский, португальский (португальцы и бразильцы) языки. Кроме того, к романским языкам относятся: провансальский (язык Южной Франции, ныне частично вытесненный французским), сардинский (остров Сардиния), каталанский (Восточная Испания), молдавский (СССР).

Индийская (индоарийская) группа. Это одна из самых больших (по количеству говорящих) групп языков: на индийских языках говорят 570 млн. человек. Сюда относится большая часть языков Северной и Центральной Индии, Пакистана и Бангладеш, в том числе хиндустани (он имеет две литературные формы: хинди — распространенную в Индии и урду — государственный и литературный язык Пакистана), бенгальский, маратхи, пенджаби и др. На языке этой группы говорят цыгане, которые переселились в Европу из Индии в V—X вв. н. э. Из числа мертвых языков назовем уже знакомый нам древнеиндийский язык — сан-

Индоевропейские	Алтайские (тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские)	Австроазиатские (мон-кхмер и мунда)
Семито-хамитские		Нойсанские (бушменно-готтентотские)
Китайско-тибетские	Финно-угро-самодийские (финно-угорские и ненецкие)	
Дравидские		Другие семьи языков

скрит, на котором написана знаменитая древнеиндийская эпическая поэма «Махабхарата».

Иранская группа (60 млн. человек). На языках этой группы говорят, как ясно из ее названия, в Иране (персидский язык), а также в Афганистане (афганский, или пушту, и язык фарси-кабули). Некоторые языки иранской группы распространены в СССР (таджикский, осетинский, курдский и др.).

Среди иранских языков есть мертвые, в частности язык скифов — древних жителей Северного Причерноморья, язык древнего Хорезма.

Кроме перечисленных языковых групп к индоевропейским языкам относятся отдельные языки — греческий (10,5 млн. человек), албанский (3,0 млн. человек), армянский (4,5 млн. человек), вымершие хеттские языки (в Малой Азии) и тохарские (в Центральной Азии).

Семито-хамитские языки — 172 млн. человек. К этой семье относится большинство мертвых языков древнего Ближнего Востока: ассиро-вавилонский, древнееврейский, финикийский и др. А из живых к семитским языкам причисляются, в частности, арабский (свыше 110 млн. человек) и амхарский (12,5 млн. человек) — государственный и литературный язык Эфиопии. Хамитская группа включает ряд языков Северной Африки (берберские, кушитские) и ныне вымерший древнеегипетский язык. Наконец, сюда же относится язык хауса, на котором говорят свыше 11 млн. человек в странах Центральной Африки, и другие чадские языки (от названия озера Чад).

Баскский язык — 1,2 млн. человек. На нем говорят жители Западных Пиренеев, на территории Испании и Франции, у берегов Бискайского залива. Некоторые лингвисты связывают баскский язык с кавказскими, но их родство не доказано.

Кавказские языки — 5,8 млн. человек. Они распространены на территории СССР.

Язык бурушаски, или вершикий. На этом языке, родственные связи которого тоже неизвестны, говорят около 40 тыс. человек, живущих на самом севере Индии, в горах Каракорума, у стыка границ СССР, КНР и Афганистана.

Следующая группа языков распространена на севере материка Евразия. Это **финно-угорские языки** — 23 млн. человек. Кроме языков СССР (коми, мордовского, марийского, удмуртского, эстонского и др.) сюда относится венгерский и финский.

Самодийские языки — 0,03 млн. человек — ненецкий, селькупский и др. — часто объединяются с финно-угорскими в уральскую семью языков.

Тюркские языки — 78 млн. человек. Кроме языков СССР (азербайджанского, туркменского, узбекского, казахского и многих других) сюда относится турецкий.

Монгольские языки — 4,5 млн. человек. Это бурятский, калмыцкий языки, а за пределами СССР — монгольский.

Тунгусо-маньчжурские языки — 3,5 млн. человек. Это маньчжурский язык и некоторые языки народов Восточной Сибири — эвенкийский, нанайский и др.

Корейский язык — 50 млн. человек. Тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, а в некоторых случаях и корейский язык объединяются под названием алтайских языков.

Изолированные языки Северной Азии, или **палео-азиатские языки**, — 0,02 млн. человек. Под этим названием объединяются языки крайнего северо-востока нашей страны — чукотский, корякский, ительменский и юкагирский, а также язык нивхов на Сахалине и язык кетов в среднем течении Енисея. Впрочем, язык кетов иногда выделяется особо.

Айнский язык. На нем говорят древнейшие жители Японских островов — около 20 тыс. человек.

Эскимосско-алеутские языки — 0,1 млн. человек. По-эскимосски говорят на Крайнем Севере западного

полушария — от нашей Чукотки до Гренландии. Алеутский язык распространен на Алеутских (США) и Командорских (СССР) островах.

В Африке, к югу от Сахары, распространены языки, которые объединяют в три крупные семьи, или ствола, — **конго-кордофанские, суданские и койсанские**.

Основную часть Тропической и Южной Африки, а также Западного и Центрального Судана заселяют многочисленные народы **конго-кордофанской семьи** — 185 млн. человек. В ее состав входят группы: бенуанигер (включающей языки банту и восточно-бантоидные), атлантическая, мандинго, гур, ква, иджо, адамуи и кордофанская.

Суданские, или нило-сахарские, языки (20 млн. человек) распространены в Центральном и Восточном Судане и в бассейне Верхнего Нила. В их состав входят языки сонгаи, сахарские, маба, фур, шаринильские (нилотские) и кома.

В Южной Африке (главным образом в ее юго-западной части) кроме банту обитают народы, относящиеся к **койсанской языковой семье** (0,2 млн. человек), — бушмены, готтентоты, горные дамара, сандаве и хатса. В прошлом они занимали огромную территорию в Южной Африке, но в XVIII—XIX вв. были в значительной степени истреблены европейскими колонизаторами, а остатки их загнаны в центральные области пустыни Калахари.

Китайско-тибетские языки — 845 млн. человек. Сюда относятся прежде всего китайский язык (число говорящих приближается к 800 млн.), а также языки тибето-бирманской группы (тибетский, бирманский, каренский и др.) — 45 млн. человек.

Австроазиатские языки — 115 млн. человек — многочисленные языки Индии и Индокитая. Сюда кроме языков мунда и мон-кхмерских в последние годы включают тайские, вьетнамский и языки мяо-яо.

Дравидские языки — 138 млн. человек. Языки, на

которых говорит большинство населения Южной Индии. Они не родственны другим индийским (индо-арийским) языкам.

Австронезийские (малайско-полинезийские) языки — 178 млн. человек. Сюда относится индонезийский язык и большинство других языков Индонезии и Филиппинских островов, а также языки островитян Океании — гавайский, самоа, маори (полинезийские), Соломоновых островов (меланезийские).

Андаманские языки. Совершенно изолированная группа языков, на которых говорят несколько сотен человек, живущих на Андаманских островах у берегов Индостана.

Папуасские языки — 2,1 млн. человек — языки коренного населения Новой Гвинеи. Известно о папуасских языках очень мало. Некоторые из них впервые описал Н. Н. Миклухо-Маклай.

Языки исконного населения Австралии — около 40 тыс. человек. На них говорили коренные жители Австралии и Тасмании (тасманийцы истреблены европейскими колонизаторами). О языках Австралии науке известно очень мало, не доказано даже их родство.

Языки индейцев Америки — около 30 млн. человек. Их родственные связи мало известны. Во всяком случае, индейских языков в Америке не меньше 200, а может быть, и много больше. Упомянем среди них ацтекский (Мексика), язык майя (Центральная Америка), язык ботокудов (Бразилия, его исследовал в 10-х годах XX в. русский ученый Г. Г. Манизер), восходящий к языку древних инков язык кечуа (на нем говорят в Боливии, Эквадоре и Перу).

Мы не говорили здесь о многих вымерших языках Европы и Азии, чьи родственные связи неизвестны. Естественно, они не отражены и на нашей карте. Упомянем о некоторых из них, двигаясь с запада на восток. На Канарских островах еще не так давно говорили на языке гуанчей, но сейчас все гуанчи вымерли. В древ-

ней Италии еще до римлян жили этруски; мы знаем этрусский алфавит и можем даже прочитать этрусские надписи вслух, но понять их невозможно. В Малой Азии сохранились памятники хаттского языка. На территории Армянской ССР много веков назад располагалось государство Урарту. Язык урартцев известен, но найти его родственные связи пока не удалось. Таким же изолированным пока остается шумерский язык в древнем Двуречье.

Языки идут друг другу навстречу. До сих пор мы говорили о родстве языков и при этом исходили из того, что они всегда развиваются в одном направлении: от меньшего числа языков к большему, от праязыка к дочерним языкам. На самом деле все гораздо сложнее. Языки могут не только расходиться; не реже они идут друг другу навстречу.

Случается так, что народ, говоривший раньше на своем языке, постепенно переходит на новый язык. Это самый простой из случаев, когда один язык как бы поглощает другой. Таких примеров в истории любого языка множество. Например, среди русского, украинского и белорусского народов когда-то жило много небольших народностей, говоривших на своих языках: мурома, чудь, торки, черные клобуки. Смешиваясь со славянами, они постепенно стали двуязычными, т. е. начали говорить одинаково хорошо, например, и по-тюркски и по-русски (при этом по-тюркски они говорили только друг с другом). Живя среди русских, дети, а тем более внуки двуязычных торков забывали родной язык и, как все кругом, говорили уже только по-русски.

Часто бывает, что языки при взаимодействии просто смешиваются друг с другом. Наука о языке знает три этапа такого смешения. Приведем примеры каждого из них.

Носители индийских языков пришли в Индию откуда-то с северо-запада. И когда они осели на тепе-

решней территории, то, естественно, вступили в общение с расселенными здесь прежде дравидскими племенами. Индоевропейцы были если не более цивилизованным, то более сплоченным в политическом и культурном отношении народом, чем дравиды, и они не потеряли своего языка и не растворились в массе дравидов.

Находясь с ними в постоянном контакте, они невольно приспособливали свой язык к пониманию дравидов. Например, несколько праиндоевропейских гласных звуков в древнеиндийском языке (санскрите) слилось в один гласный **а**. Поэтому санскритские тексты буквально кишат гласными **а** — рассказ о Нале и Дамаянти в поэме «Махабхарата» (посмотрите, сколько **а** даже в этом слове!) начинается словами: «Асид раджа Нало нама, Вирасена суто бали» — «Жил царь по имени Наль, храбрый сын Вирасены»; на 16 гласных здесь приходится 9 **а**.

Это явление понять нетрудно, если взять любой, даже современный дравидский текст, например, на тамильском языке: «Нари атика турам алаинтатал атаркук катум пачи унтайирру» — «Так как лисица бегала очень далеко, она сильно проголодалась». Здесь на 23 гласных 13 **а** — больше половины, а остальные — гласные **и** и **у**, которые как раз сохранились и в древнеиндийском языке.

По-видимому, древнеиндийский язык подвергся влиянию дравидских: он, как говорят в языкознании, развивался на **субстрате** (буквально — «подслое») дравидских языков.

А вот другой тип взаимодействия языков. В русской речи жителей городов и деревень, близких к границе Украины, Белоруссии или другой республики, то и дело проскальзывают слова, выражения, интонации соседнего языка, который они постоянно слышат и которым обычно владеют. В подобных случаях языковеды говорят об **адстрате** (буквально — «сослое», «прислое»).

И наконец, третий тип. Он возникает в тех случаях, когда тот или иной народ, подчинив себе другой народ и передав ему полностью или частично свой язык, сам в силу исторических причин не смог удержаться как самостоятельное целое и исчез с лица земли. Например, современный английский язык возник в результате смешения двух языков — англосаксонского и норманского (диалект французского). Их взаимоотношение исторически верно охарактеризовано в романе Вальтера Скотта «Айвенго». Норманские завоеватели не смогли вытеснить, уничтожить «грубый», «мужицкий» англосаксонский язык; наоборот, не прошло и трех-четырех веков, как никто в Англии уже не говорил по-нормански, т. е. по-французски. А англосаксонский же язык за это время испытал серьезное влияние французского, в нем появилось много французских слов, сильно упростилась грамматика, изменилась фонетика. Французский язык норманнов послужил **суперстратом** («надслоем») для англосаксонского.

При смешении одного языка с другим обычно происходит упрощение его грамматики. Это упрощение особенно заметно в тех случаях, когда мы имеем дело не с настоящим языком, а с жаргоном, возникшим как вспомогательное средство при общении народов, каждый из которых говорит на своем собственном языке. Впрочем, такие жаргоны иногда становятся единственным языком той или иной народности.

В Индийском океане есть остров Маврикий. Когда-то французские колонизаторы владели там плантациями и для работы на них ввозили из Африки рабов-негров. Эти негры принадлежали к разным народам и говорили на разных языках. Согнанные на небольшой остров и вынужденные работать бок о бок, они старались понять друг друга. Естественно, что средством взаимопонимания послужил французский язык, на котором обращались к рабам белые хозяева. Но рабы вполне обходились ломаным французским языком. И произошла

АНГЛО
САКСОН
СКИИ

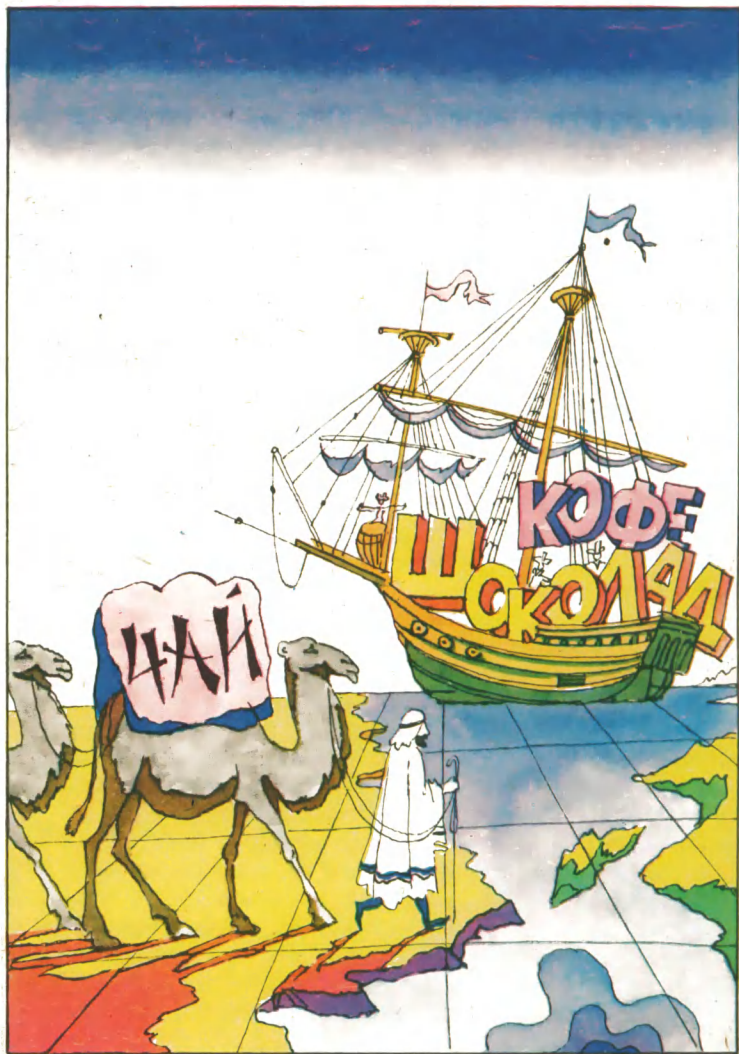
НО
МА
СКИИ

интересная вещь: французский язык развился на острове Маврикий в особый, креольский язык, как бы упрощенный вариант французского. Например, во французском языке существует четыре отдельных местоимения 1-го лица единственного числа: *moi*, когда нужно сказать «именно я» или употребить «я» в косвенном падеже (*donnez moi quelque chose* — «дайте мне что-то»); *je* — при глаголе (*je vous aime* — «я вас люблю»); *me* — в косвенном падеже (*il me disait* — «он мне сказал»); наконец, притяжательное местоимение *mon* (*ma*), изменяющееся по родам в зависимости от рода определяемого существительного (*mon père, ma mère* — «мой отец», «моя мать»). В креольском языке острова Маврикий все эти формы слились в одной — *mo*. Там говорят *mo manʒe* — «я ем», хотя житель Франции сказал бы *je mange* («же манж») или *moi, je mange* («муа, же манж», т. е. «я-то ем» или «что касается меня, то я ем»); по-французски следует сказать «я болен» так: *je suis malade* («же сюи малад» — «я. есть больной»), а на острове Маврикий скажут *mo malade* («мо малад»).

Наконец, упомянем еще об одной форме схождения языков. Это так называемые языковые союзы, когда несколько неродственных или отдаленно родственных языков, развиваясь в близком контакте, начинают приобретать сходные черты. Так получилось, например, на Балканском полуострове. Там соседствуют четыре индоевропейских языка, принадлежащие, однако, к разным группам: румынский (романская группа), болгарский (славянская группа), греческий, албанский. И вот у всех этих языков, как оказалось, стали возникать одни и те же особенности, не существующие в других, родственных им языках за пределами Балкан. Например, артикль, который в других языках стоит перед именем (нем. *die Sprache*, франц. *la langue* — «язык»), в балканских языках стоит после имени: болг. езикът, рум. *limbajul*.

Языки подают друг другу руки. Часто языки, которые друг с другом не смешивались и вообще никогда в непосредственном контакте не были, все равно влияли и влияют друг на друга. Только такое влияние выступает здесь в форме заимствований.

Заимствования — это слова и выражения, перенесенные из одного языка в другой и преобразованные в этом языке по его законам (фонетическим, грамматическим). Это очень важная оговорка: мы можем просто вставить в свою речь иностранное слово, и это не будет заимствованием. В разных языках количество заимствований разное. Например, в персидском и языке урду масса арабских слов. В других языках заимствований меньше, например в русском, немецком, французском. Есть языки — чешский, китайский, венгерский, — которые всячески сопротивляются введению иноязычных слов и стремятся образовать для новых понятий новые слова и выражения своими средствами. Но нет и не может быть языка, в котором совсем не было бы заимствований, потому что нельзя отгородить один народ от другого и искусственно прекратить их культурное, научное, торговое общение.

Заимствования бывают разных видов. Чаще всего заимствуется то или иное слово. Обычно это происходит вместе с проникновением соответствующего предмета или усвоением нового понятия. Так, слово **спутник** заимствовали многие европейские языки из русского после запуска первого советского искусственного спутника Земли. С другой стороны, такие слова, как **шоколад, чай, кофе, какао**, названия различных южных напитков, пряностей попали в языки народов Европы, в том числе и в русский, из различных языков Азии, Африки, Америки вместе с теми кушаньями и напитками, которые они обозначали. Некоторые обычные, казалось бы, слова на самом деле преодолели много десятков тысяч километров, прежде чем войти в русский язык. Например, слово **томат** пришло из Южной Америки. Кстати,

оно по дороге приобрело двойника: в Италии овощ, обозначенный этим словом, называли несколько по-другому — *potato d'oro* — «золотое яблоко». Отсюда русское слово **помидор**.

Заемствования проникают в язык обычно двумя путями. Один из них — передача, так сказать, из уст в уста, причем услышавший слово иногда не очень точно его воспроизводит. Так вошли в русский язык из немецкого слова **противень** («братпфанне»), **шумовка** («шаумлоффель»), **струбцинка** («шраубцвинге»), **домкрат** («даумкрафт»). Другой путь заимствования — книжный. Так передавались философские и общественно-политические термины.

Кроме простых заимствований встречаются еще и так называемые кальки — это слова или выражения, созданные по образцу иностранных, но с помощью средств родного языка. Например, **падеж** — это слово так же образовано от глагола **падать**, как в латинском языке слово *casus* — «падеж» образовано от глагола *cadere*. Дело в том, что древние грамматисты считали, что слово в косвенных падежах как бы «отпадает», отклоняется от основной формы. Многие кальки образованы путем педантичного перевода иностранных слов по частям. Так возникло в XVIII в. слово **впечатление** при переводе по частям французского слова *impression*. В этом слове *im-* — приставка, которая переводится как **в-**, *-press-* — корень, обозначающий **печатать**, а *-ion* — суффикс, переведенный русским суффиксом **-ение**. Получилось слово **впечатление** — как бы точный снимок, копия французского слова, сделанная на прозрачной бумаге. Поэтому такие слова и названы кальками.

Спрашивай — отвечаем. Сравните на карте мира названия рек, гор, городов в разных странах.

Легко можно заметить, что на Чукотке, Аляске, в Северной Канаде и Гренландии часты длинные, тяже-

ловесные названия, в которых то и дело встречаются скопления гласных: Араканчечен, Митлетукерук, Микисагиннут, Пангниртунг, Ангмагсалик, Канчердлугсуак... В Центральной и Южной Африке названия не такие длинные и легче произносятся, причем большинство из них начинается либо на у, либо на ка, ки, лу (ло): Каумбура, Каматанда, Кирунду, Луньяна... Что же касается Китая, Вьетнама, Лаоса, Бирмы, то там все географические названия как будто сложены из кубиков: Нань-чен, Гуй-пин, Гуй-ян, Ань-ян, Ань-цин.

Даже не зная, что они означают, легко догадаться, что в них отразились какие-то особенности языка местного населения.

О них мы теперь и поговорим.

До сих пор мы занимались родословной различных языков и тем, как эту родословную установить.

Если мы хотим построить роту по росту в одну шеренгу, нам совершенно неинтересно, из какой губернии родом каждый солдат. Это высказывание принадлежит поэту Виктору Хлебникову.

А в языкознании есть очень много задач, для решения которых языки необходимо построить вот так — «в одну шеренгу». Приведем только один пример: чтобы создать правильную методику обучения, скажем, русских английскому языку (или узбеков румынскому, или грузин бенгальскому), надо сопоставить строение этих языков — их фонетику, грамматику, систему значений — безотносительно к тому, родственны они или нет, — просто по внешним признакам.

Правда, в одну шеренгу языки не построишь. Конечно, можно взять только один-единственный признак, — скажем, количество звуков в языке — и все языки расположить соответственно этому признаку. Но тогда у нас окажутся соседями языки, друг на друга во всех остальных отношениях совсем не похожие. По-видимому, необходимо учитывать не один, а сразу несколько признаков.

Какие это должны быть признаки? В том-то и заключается важнейшая задача лингвистической типологии, чтобы эти признаки найти и расклассифицировать все языки мира наиболее удобным и правильным образом.

Пока что эта задача остается не решенной до конца. Впрочем, она и не будет никогда до конца решена, так как для разных надобностей нам придется «задавать» языкам разные «вопросы».

Мы не случайно выразились так. Ведь когда мы стремимся расклассифицировать языки по их внешним признакам, по особенностям их строя, не обращая внимания на их генетические связи, то вся эта процедура очень напоминает заполнение анкеты.

Первыми додумались до такой классификации (она называется в языкознании типологической или морфологической) братья Шлегель — Фридрих и в особенности Август. Они «спросили» у различных языков, есть ли в них грамматические аффиксы — приставки, суффиксы, окончания. Ответы оказались разные, хотя большинство языков «ответило», что есть. Второй вопрос, заданный А. Шлегелем, был таков: выражаются ли грамматические значения только при помощи аффиксов («внешняя флексия») или также при помощи «внутренней флексии», т. е. изменения звуков в корне слова? И здесь «ответы» разошлись. Оказалось, что можно разбить все языки на три группы. Языки без аффиксов были названы позднее изолирующими (иногда их вслед за А. Шлегелем называют также аморфными, т. е. бесформенными). Языки с «внешней флексией» называли агглютинирующими или агглютинативными (т. е. присоединяющими, приклеивающими)¹. Наконец, языки с

---

¹ Кроме того, признаками языков этого типа считается отсутствие фонетических изменений при «приклеивании» аффиксов и закреплённость за каждым аффиксом только одного грамматического значения.

«внутренней флексией» были названы флективными или флектирующими (т. е. сгибающимися)¹.

Август Шлегель задал языкам еще один вопрос: выражаются ли в них грамматические значения с помощью частей самого этого слова или с помощью специальных служебных слов? И в зависимости от ответа выделил в каждом из ранее найденных им типов языков два подтипа — синтетические и аналитические языки.

Окончательный вид классификация Шлегеля приобрела в 1818 г. А уже через четыре года величайший лингвист XIX в., основоположник теоретического языкознания Вильгельм Гумбольдт обнаружил, что есть очень много языков, в которых грамматическое значение может выражаться не в отдельном слове, а сразу в предложении. В таких языках трудно разделить, где кончается слово и начинается предложение. Посудите сами, говорил Гумбольдт. В одном из мексиканских языков фраза «Я ем мясо» переводится одним-единственным словом: **нинакаква**. **Ни** значит «я», **нака** — «ед-», а **ква** — «мяс-». Слово это или уже предложение? А в чукотском и некоторых других языках нашего Севера в такое слово-предложение можно «вгонять» сколько угодно «членов предложения», так что получается что-то вроде «я-больш-жирн-красив-молод-олень-убивание-произвожу».

В Гумбольдт предложил выделить такие языки в специальный тип, который был назван инкорпорирующим (включающим) или полисинтетическим (многообъединяющим).

После Гумбольдта эта классификация множество раз уточнялась и видоизменялась. Однако в ней есть недо-

---

¹ В этих языках, кроме того, при присоединении «внешних флексий» происходят разного рода фонетические изменения, причем присоединяемые аффиксы выражают сразу несколько грамматических значений: **-ам** — дательный падеж множественного числа мужского рода второго склонения.

статки, и очень серьезные: дело в том, что в «биографии» языков оказались весьма существенные «подробности», которые в анкете Шлегеля-Гумбольдта не нашли соответствующих «пунктов». Поэтому эта анкета оказалась весьма приблизительной.

Возьмем изолирующие языки, например китайский. В нем можно употребить в предложении один корень слова без всяких грамматических аффиксов: «хуа мэй» — «цветок прекрасен», «юнь ми» — «тучи сгустились» (а точнее — «цвет крас», «туч густ»). Подчеркнем: можно употребить. Но в китайском языке все-таки есть аффиксы. Например, в предложении «та ицзин кань-ла» — «он уже посмотрел» — нельзя сказать вместо «каньла» просто «кань» — '«смотреть»: здесь обязателен суффикс совершенного вида ла, обозначающий законченность действия. Так что китайский язык, можно сказать, выпадает из той «ячейки», в которую его помещает традиционная типологическая классификация, и «тянется» к агглютинативным языкам.

Но и они ведут себя «недисциплинированно». Обычно говорят, что типичные агглютинативные языки — это тюркские. Например, в казахском языке «ат-тыларымга» означает «моим всадникам»: ат — «лошадь» (вернее — «лошад-»), ты — «обладающий», лар — суффикс множественного числа, ым — «мой», га — суффикс дательного падежа. Но уже и это слово имеет гораздо более сложное строение, которое можно изобразить так: (((ат + ты) + лар) + ым) + га¹. А если взять менее «типичные» агглютинативные языки, то они никак не укладываются в простую схему, все время «путаясь» то с флективными, то с полисинтетическими языками. Что касается флективных языков, скажем, русского, то в них есть элементы всех трех остальных типов. Например, наряду с характерными признаками флективного

---

¹ Кроме того, согласно «строгой агглютинации» должно было бы быть «ат-лы»: Л→Т благодаря так называемой ассимиляции.

типа (счет — считать — сочти; стол-ам; раздел, но расписание) в русском языке есть и элементы изолирующего строя (Дочь прыг вниз; Мать — ах! Нет, уж все), и элементы агглютинирующего (Пойдем-те-ка!), и даже какие-то элементы полисинтетизма. Ну, а о полисинтетических языках и говорить нечего: оказалось, что они совсем не состоят целиком из полисинтетических слов-предложений: наряду с ними в таких языках употребляются предложения, построенные самым обычным образом.

Одним словом, выяснилось, что языки приходится спрашивать еще об очень и очень многих ранее не предусмотренных вещах, прежде чем разложить их по полочкам.

Когда стали выяснять, о чем же их все-таки спрашивать, обнаружилось, что есть такие вопросы, на которые все языки отвечают одинаково — «да» или «нет». Например, нет языков, в которых не было бы, по крайней мере, одной гласной. Правда, чаще языки «ставят» тому, кто их спрашивает, определенные «условия»: если во мне есть падежи, то на вопрос о том, есть ли числа, я всегда отвечу «да». Такие распространенные во всех языках (или, по крайней мере, в большинстве их) явления называют языковыми универсалиями.

Типологическая классификация — вещь очень полезная в тех случаях, когда для каких-то особых целей мы сравниваем заведомо разные по происхождению языки или когда мы вообще не знаем их происхождения. Но она может оказаться вредной, если вытесняет классификацию генеалогическую и подменяет ее.

Грамматические особенности разных языков. Бросим беглый взгляд на многочисленные средства и способы, с помощью которых говорящие на разных языках строят свою речь.

Начнем со звуковых особенностей различных языков — с фонетики.

Звуки английского, французского, немецкого языков несколько отличаются от звуков русского языка по способу произношения. Но есть такие языки, звуки которых не имеют даже самой отдаленной параллели в русском языке. У некоторых народов Южной Африки (например, у бушменов) существуют так называемые щелкающие звуки. Они отличаются от других звуков тем, что произносятся не при выдыхании воздуха, а при вдыхании (правда, частичном): в результате получается либо звук, похожий на чмокание, либо щелчок. В арабском языке существуют гортанные звуки, которых совсем нет в русском языке.

В русском языке 34 согласных звука и 6 гласных. Если взять язык острова Рапануи (Полинезия), то в нем согласных оказывается всего 9 (гласных — 5). Примерно так же обстоит дело в других полинезийских языках. Поэтому на географической карте Тихого океана часты певучие, звучные названия, иногда почти из одних гласных: Тубуаи, Мангаиа, Папеэте, Эиао. А вот в языке абазин (Северный Кавказ) согласных 65, гласных же всего 2 — а и ы. Еще больше согласных в языке народа саами, живущего на Кольском полуострове: в некоторых диалектах этого языка их число приближается к 100!

Но главное, что отличает в звуковом отношении один язык от другого, — это не состав звуков, а характер их использования, иначе говоря, то, какие различия между звучаниями могут использоваться для различных слов. Например, в русском языке мы можем произнести звук э по-разному: как в **тень** (закрыто) и как в **цеп** (открыто); если мы произнесем слово **цеп** с закрытым э, оно будет звучать странно, но останется понятным. Но во французском языке такую операцию безболезненно проделать не удастся: если мы заменим открытое э в слове *fait* («фэ») — «сделано» на закрытое, получится совсем другое слово — «фе» («фея»), которое пишется как *fée*.

Существенные различия между языками есть и в их грамматике. Одно и то же значение в разных языках может быть выражено разными грамматическими способами.

Один из них — уже известный нам способ аффиксации, когда используется специальная часть слова (**полюб-ит**). Другой способ, особенно распространенный в семитских языках (например, арабском), — это «внутренняя флексия». По-арабски лексическое значение **убивать** выражается сочетанием трех согласных q-t-l (первый из них — q — звучит как гортанное к). Между этими согласными, перед ними и после них могут вставляться гласные; и в зависимости от того, какие это гласные и где они вставлены, меняются грамматические значения слова: qatala — «убил», qutila — «был убит», uqtul — «убивай» и т. д. Примерно то же мы можем найти в английском и немецком языках: англ. I sing — «я пою», но I sang — «я пел», нем. Bruder — «брат», Brüder — «братья» и др.

Еще один способ — это способ повтора. По-индонезийски «человек» — orang (отсюда **орангутан**, т. е. orang-utan — «лесной человек»); «люди» — orang-orang (чтобы сэкономить место, сейчас в Индонезии пишут сокращенно orang²). Способ служебных слов нам с вами хорошо знаком по русскому языку, где он широко используется наряду со способом аффиксации: служебные слова в русском языке — это все предлоги (**в, на ...**), союзы (**и, а ...**), частицы (**же, ли ...**).

Очень распространен способ порядка слов. Он играет важную роль и в русском языке: в предложении **Мать любит дочь** только из порядка слов видно, кто кого любит.

Впрочем, не только то, как выражается, но и то, что выражается в языках, неодинаково: одно и то же значение может быть выражено в корне в одном языке (или даже вообще не быть в нем выражено) и в аффиксе в другом. Вот несколько примеров.

По-русски на вопрос **Кто пришел?** и на вопрос **Пришел Иван?** мы ответим одинаково: **Иван пришел.** Разница будет только в интонации или в ударении: мы выделим голосом в первом случае слово **Иван**, во втором — слово **пришел**. В японском же языке при ответе на этот вопрос придется употребить совершенно разные падежи: «Токунага сан-га кимасита» — «(Это именно) господин Токунага пришел» или «Токунага сан-ва кимасита» — «(Да), господин Токунага (действительно) пришел».

В очень многих языках есть так называемое притяжательное склонение. Например, в ненецком языке существует падежная форма «вэнекохоюни'ня», обозначающая «двум собакам, принадлежащим нам двоим». Меланезийские языки в Океании идут еще дальше: в них грамматически выражается, можно или нельзя отделить вещь, о которой говорится, от человека, которому она принадлежит. Например, **твоя одежда** будет звучать *puɣi mal*, так как ее можно отделить от хозяина, но **твоя голова** — *ulu-m* требует другого суффикса, так как отделить голову от человека нельзя без серьезных последствий.

Прилагательные во многих языках имеют черты глагола. Например, в лакском языке (Северный Кавказ) они могут иметь суффикс времени: «гъансса» — «близкий», «гъан-ма-сса» — «долгое время близкий».

Особенно различные, зачастую очень странные для русского языка значения могут выражаться в глаголе. Многообразны, например, формы вида. В языке коми один и тот же глагол «мун-ны» — «идти» может, получая разные суффиксы, приобретать значения «ходить много раз», «ходить по разным местам», «потихоньку идти» или даже «уйти, чтобы потом вернуться».

В грузинском языке есть специальная заставительная форма, причем она может быть двойной: «вацеринэб-инэб-цэрилс» — «я заставляю его заставить еще кого-то писать письмо». В языке кечуа (Южная Амери-

ка) от одного-единственного глагола можно образовать несколько сот видовых форм!

В одном из папуасских языков Новой Гвинеи форма глагола вроде **он ел** имеет различные наклонения в зависимости от того, видел ли говорящий, как он ел, или не видел, но слышал, как он жевал, или не видел, но объедки налицо, или объедки были, но их убрали, или и объедков не было, но какие-то следы того, как он ел, остались (скажем, грязная посуда), или, наконец, говорящий просто убежден, что он не мог не есть...

О некоторых грамматических категориях стоит рассказать подробнее. Начнем с категории лица глагола.

Не следует думать, что эта категория была присуща глаголу с самого начала. Если сравнить самые различные, совсем не родственные друг другу языки, мы увидим, что в них личное окончание глагола возникло из слияния личного или притяжательного местоимения с причастием или существительным. Например, по-мордовски лицо глагола и принадлежность существительного до сих пор выражаются совершенно одинаковым окончанием: «кун-дай-т» — «ловил ты» и «вал-т» — «слово твое». На древнеегипетском языке **ты ловишь** тоже выражается как «ловля твоя». Чтобы сказать **я ловлю** по-арабски, нужно употребить форму типа «я ловец» или «я ловящий» и т. д.

Близость глагола к имени сказывается не только в этом исконном единстве окончаний. В некоторых современных языках, например чукотском, одни и те же слова могут и склоняться, как прилагательные, получая показатели падежей, и спрягаться, как глаголы, принимая показатели лица. Например, можно сказать «эвирь-ылъигын», что значит «я одежный» («я имею одежду»), «эвирь-ылъигыт» — «ты одежный» и т. д., но, будучи употреблено не в качестве сказуемого, а в роли определения, это же слово может склоняться: «аверь-ылъепы» — «от одежного», «аверь-ылъеты» — «к одежному».

Из сказанного выше видно, что категория лица глагола тесно связана с употреблением слова в предложении.

Характерно, что глагольные окончания лица обычно связаны с личными или притяжательными местоимениями только в 1-м и 2-м лице, т. е. в тех случаях, когда достаточно употребить это окончание, чтобы было понятно, что (или кто) действует. Но в 3-м лице этого уже недостаточно — действующее лицо может быть обозначено любым существительным. И вот оказывается, что в очень многих языках глагол в 3-м лице или совсем не имеет окончания, например в алеутском языке, многих африканских и т. д., или это окончание возникло сравнительно недавно, например в индоевропейских, тюркских, финно-угорских языках.

Мы в русском языке объединяем категорию лица с категорией числа глагола и говорим, например, о «2-м лице множественного числа». На самом деле это не совсем точно. Ведь **мы** — это не совсем **я** во множественном числе, а **вы** — не совсем **ты** во множественном числе. Это особенно ясно видно в индонезийском и некоторых других языках Тихого океана, а также в языках Африки и Кавказа, где встречаются два первых лица множественного числа: **мы без тебя** и **мы вместе с тобой**. Первая из этих форм называется исключающей (эксклюзивной), а вторая — включающей (инклюзивной). А если учесть, что есть языки, в которых кроме обычных двух чисел есть еще двойственное и тройственное, то число возможных лиц вырастает из 6 до 15! Именно 15 форм и встречается в языке жителей острова Абрим (Океания), где глагол спрягается следующим образом (конечно, в русском переводе):

Я иду	Мы с тобой вдвоем идем	Мы с тобой и еще с кем-то втроем идем	Мы с тобой и еще с кем-то идем
	Мы вдвоем без тебя идем	Мы втроем без тебя идем	Мы без тебя с кем-то идем

Ты идешь	Вы вдвоем идете	Вы втроем идете	Вы идете
Он идет	Они вдвоем идут	Они втроем идут	Они идут

В некоторых языках в глаголе бывает выражено не только лицо и число субъекта — того, кто совершает действие, но и лицо и число объекта — человека или предмета, над которым совершается действие. Например, в одном из папуасских языков существует целая коллекция глагольных суффиксов, которые позволяют обозначить, сколько человек действовало, сколько человек подвергалось этому действию и когда оно происходило: так, суффикс **амарумо** прибавляется, когда много людей действовали на двоих в прошедшем времени, а суффикс **анабидурумо** — когда на тех же двоих действуют трое людей в настоящем времени.

Лицо — это такая категория, в которой особенно сильно отражаются общественные отношения, социальный строй общества. Например, в языке индейцев племени блэкфут (Северная Америка), у которых сохранились остатки родового строя, существует специальное, 4-е лицо для обозначения члена чужого рода. А в Австралии, в языке аранта, еще сложнее. Чтобы описать систему лиц в этом, казалось бы, «первобытном» языке, нужно затратить несколько страниц. Мы ее описывать не будем, а приведем пример из русского языка, отдаленно напоминающий положение в языке аранта. Представьте себе, что 1-е лицо выражалось бы по-разному в следующих трех случаях: мы, сидящие за одной партой, идем; мы, одноклассники, идем; мы, учащиеся одной и той же школы, идем...

До сих пор мы сталкивались с языками, где лиц вполне достаточно и даже слишком много. А в корейском языке, например, разграничивается только 1-е лицо и лицо не 1-е, для обозначения которого существует специальный суффикс **си**.

Теперь расскажем о падеже. Начнем с того, что эта категория, оказывается, очень тесно связана с переходностью или непереходностью глагола. Во многих языках, совершенно не связанных взаимным родством, все глаголы делятся на две группы: глаголы активного действия (переходные) и глаголы пассивного действия (непереходные). В зависимости от того, какой глагол употребляется, предложение строится по-разному. В случае непереходности оно такое же, как в русском языке, т. е. подлежащее стоит в именительном падеже. Например, по-чукотски: «клявол чейвыркын» — «человек ходит», «кора чейвыркын» — «олень ходит». Но если глагол переходный, то все меняется. Подлежащее ставится не в именительном, а в особом, так называемом эргативном падеже, обозначающем только действующее лицо. Что касается объекта действия, то для него, употребляется не винительный, как в русском, а именительный падеж (впрочем, он часто совпадает с винительным по форме). Например, в том же чукотском языке: «клявол-я кора нмыркынен» — «человек (в эргативном падеже) оленя (олень — в именительном падеже) убивает». Такая конструкция, называемая эргативной, встречается во многих кавказских языках, баскском, палеоазиатских и многих языках Америки.

Некоторые следы такого эргативного или близкого к нему строя можно найти в индоевропейских языках. По мнению некоторых лингвистов, в индоевропейском языке все существительные делились на две группы — активные и пассивные. Первые могли быть подлежащими при переходных глаголах, вторые нет. Показателем активности (эргативности) был-*s* в конце слов, а показателем пассивности — *-m* в конце слова. В дальнейшем показатель активности закрепился за именительным падежом подлежащего (ср. такие латинские и греческие слова, заимствованные русским языком, как **казус**, **модус**, **космос**), а показатель пассивности стал употребляться как показатель винительного падежа (ср.,

например, лат. *terram* — «землю») и как показатель среднего рода (ср. например, лат. *templum* — «храм»).

В русском языке, как вы знаете, шесть падежей. На наш взгляд, это немного. Но с точки зрения англичанина или француза падежей в русском языке многовато. Существуют, однако, языки, где число падежей перевалило далеко за дюжину. Это, например, языки Кавказа, такие, как лакский, аварский, даргинский. Сколько в каждом из них падежей, определить нелегко, так как трудно разграничить падеж от простого сочетания существительного со специальным служебным словом, так называемым послелогом (предлогом, который ставится не перед словом, а после него). В некоторых языках падежей насчитывается 52! Заметно меньше их в финно-угорских языках. Например, в эстонском — «всего-навсего» 14.

Откуда же берется такое количество падежей? Мы рассмотрим язык, где падежей не так много, но все же порядочно, — чукотский (здесь их 9). Вот какие падежи в чукотском:

1. Именительный: нилг-ын («ремень»), кэйн-ын («медведь»).

2. Творительный: нилг-э («ремнем»), кэйн-эй («медведем»).

3. Местный: нилг-ык («на ремне»), кэйн-ык («у медведя, на медведе»).

4. Отправительный: нэлг-эпы («от ремня»), кэйн-эпы («от медведя»).

5. Направительный: нэлг-эты («ремню»), кэйн-эта («к медведю, медведю»).

6. Определительный: нилг-ыгйит, кэйн-ыгйит.

Этот падеж необычный. Он служит для того, чтобы обозначить предмет, на который ориентируется в своем действии человек или животное, обозначенное именительным падежом. Например, в предложениях, соответствующих русским: Охотники с моря возвращаются, ориентируясь по горе; Собаки остановились против

камня; Наш народ живет по советским законам; Сделай нож по образцу отцовского, — выделенные слова переводятся определительным падежом.

7. Совместный: гэ-нилг-э («ремнем»), гэ-кэйн-э («с медведем»).

8. Сопроводительный: га-нэлг-ыма («с ремнем»), га-кайн-ыма («с медведем»).

Разница между последними двумя падежами следующая: если сказать **я иду с медведем** в совместном падеже, то получится, что идем мы оба вместе — и я и медведь; а если сказать то же, употребив сопроводительный падеж, то это будет означать, что я иду и несу с собой медведя. Ну, а можно сказать (как в русском языке), что мы идем — я и медведь.

9. Назначительный: нилг-у («в качестве ремня»), кэйн-у («в качестве медведя»). Например, в предложении типа **Собака завyla волком** должен быть употреблен именно назначительный падеж.

Выше мы говорили об эргативном падеже в чукотском языке, но его формы есть не у всех слов, и в наш перечень он не включен.

Приведенный пример хорошо показывает, за счет чего образуется множество падежей; все дело в том, что при помощи падежей выражаются различные оттенки места, времени, обстоятельств и цели действия. А так как этих оттенков может быть очень много, то и падежей может быть очень много. Скажем, в лакском языке специальные падежи существуют для того, чтобы сказать: **в доме** — «къатлуву», **сзади дома** — «къатлух», **на доме** — «къатлуй», **под домом** — «къатлулу». А в русском языке все эти значения выражаются куда более скромными грамматическими средствами.

Кстати, в русском языке, с известной точки зрения, можно найти два подобных этим необычных падежа. Вы много раз употребляли их, но, наверное, никогда не задумывались, что это, в сущности, совершенно особые падежные формы со своим особым значением. В пред-

ложении **Дайте мне чаю** мы находим именно такую форму со значением «некоторое ограниченное количество чего-то». А то, что называется обычно предложным падежом, в сущности, представляет собой два падежа, которые можно условно назвать рассказывательным (предложный падеж в старых русских грамматиках как раз и назывался сказательным) — **говорить о снеге, о лесе** и местным — **вывалиться в снегу, заблудиться в лесу**. В школе для простоты говорят в таких случаях не о разных падежах, а о разных окончаниях.

Чтобы покончить со всякого рода «странностями» в грамматике различных языков, остановимся еще на некоторых грамматических категориях, в частности на числительных.

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, почему наша система исчисления десятичная? Ответ на этот вопрос очень прост: потому что у человека на руках десять пальцев. Недаром по-чукотски, например, глагол **считать** («рылгык») происходит от слова «рылг» — «палец» и значит, собственно, **пальчить**. **Десять** по-чукотски обозначается **две руки**, а слово **двадцать** происходит от слова **человек** — **весь человек**, т. е. все пальцы на руках и ногах. Вообще, по-видимому, сначала у большинства народов господствовала не десятичная, а двадцатеричная система. Это отразилось и в строении числительных: например, по-французски 80 обозначается *quatre vingt*, т. е. «четырежды 20» — совсем как по-чукотски. То же явление мы находим и во многих иранских языках, например у курдов Азербайджанской ССР, где 50 обозначается как «дважды 20 + 10», и в языках германских, кельтских, в албанском, баскском и т. д. У некоторых народов, например в Западной Африке, считают «сороковками»: для них 80 будет «дважды 40». Кстати, обращали ли вы внимание на то, что слово **сорок** в русском языке резко отличается от других числительных, обозначающих десятки (**тридцать**, т. е. три + десять; **пятьдесят**, т. е.

1 2 3 4 5

пять + десять); а чтобы обозначить очень большое число, употребляют старинное выражение **сорок сороков**? По всей вероятности, это след такой же, как в Африке, системы счета «по сорока».

Очень показательны названия числительных в языках банту — у жителей Южной Африки. Там **большой палец правой руки** означает **шесть** (счет идет от мизинца левой), **указательный** — **семь**; чтобы сказать **восемь** и **девять**, соответственно употребляются выражения **согни два пальца** и **согни один палец**, а **десять** — **все пальцы**. Кстати, почему **согни два пальца**? Потому, что если считать с помощью одной правой руки, то при счете от 6 до 9 пальцы поочередно разгибаются: при счете 6 согнуты 4 пальца, при счете 7 — 3 пальца и т. д.

Не все народы и не всегда считают только с помощью пальцев. Иногда для этого пользуются другими частями тела. Например, одно из папуасских племен Новой Гвинеи считает так: мизинец левой руки, следующий палец, средний палец, указательный палец, большой палец, запястье, локоть, плечо, левая сторона груди, правая сторона груди и т. д. — до мизинца правой руки. Но характерно, что и здесь используется в качестве опоры именно человеческое тело. Лишь в дальнейшем числительные как бы отрываются от этой опоры и начинают употребляться самостоятельно. Впрочем, у многих народов до сих пор невозможно употребить числительное вообще, не обозначая им чего-либо определенного. Вообще **девяти** в таких языках нет: есть **девять оленей**, **девять нарт**... С этой трудностью столкнулись, между прочим, учителя арифметики в чукотских и корякских школах.

У многих народов при счете разных предметов употребляются и разные числительные. Например, в языке нивхов (остров Сахалин) нельзя сказать вообще **пять**; нужно выразиться одним из следующих способов: «т'ом» (если считаем лодки), «т'орш» (если считаем нарты), «т'ор» (если считаем связки рыбы), «т'овор»

(если считаем невода) и т. д. Некоторые явления, напоминающие подобное положение, встречаются и в русском языке — это счетные слова.

Например, мы часто говорим: **сорок голов скота, пять человек детей, шесть названий книг, двадцать штук портфелей** и т. д.

На свете есть много языков, иногда совсем не похожих друг на друга. Но, как бы они ни отличались один от другого, любой язык способен выразить все, что захочет высказать говорящий на нем человек.

Нет плохих и хороших языков. Каждый язык хорош по-своему.

Язык и общество. Некоторые ученые, занимающиеся исследованием языков небольших народов Африки, Австралии, нередко утверждают, что у этих народов свой особый склад мышления, отражающийся в их языке; что их мышление «первобытное», «дологическое», «конкретное»; что они не знают или почти не знают общих названий (например, «рыба»), но зато имеют множество названий для отдельных видов (например, «судак», «окунь», «щука», «лещ»...). Эти утверждения просто ошибочны.

Общие названия, как правило, есть во всех языках; а если их в каком-либо языке и нет, то это совсем не признак «первобытности».

Например, в русском языке нет общего слова для всех летающих животных, а в языке одного из самых малокультурных народов мира, живущего в Океании, такое слово есть.

Почему же так много особых названий животных и растений встречается в «первобытных» языках? Объясняется это просто. Если мы послушаем любителей птиц, говорящих о соловьином пении, то узнаем, что для них соловей не «поет», как для нас с вами. В пении соловья они ясно различают двенадцать «колен»: «пульканье», «кль'канье», «дробь», «раскат», «пленканье» и т. д.

Конюх или жокей никогда не скажет, что лошадь «бежит». Для них это не бег, а — смотря по его особенностям — аллюр: рысца, нарысь, хлынца и т. д.

Это и не удивительно. Любитель-птицевод или конюх употребляет в каждом случае особое слово для обозначения разновидности соловьиного пения или лошадиного бега потому, что для дела, которым они заняты, эти разновидности играют важную роль. А коренные жители Океании имеют десятки названий для банана именно потому, что каждую из его разновидностей они используют по-разному и различать их необходимо.

Однако вернемся к особенностям речи конюха и любителя птиц. Они говорят по-русски, и отличительных особенностей в их речи так мало, что говорить о каком-то особом «языке конюха» мы не можем. Но бывает, что «язык» представителя той или иной профессии, класса, социальной группы до такой степени своеобразен, что становится малопонятным людям, не принадлежащим к этой профессии или социальной группе.

Такие «языки» правильнее было бы назвать социальными диалектами. Они отражают социальное расслоение общества.

В советском обществе социальные диалекты не играют существенной роли, так как у нас ликвидированы эксплуататорские классы и не осталось изолированных социальных групп, которые нуждались бы в таких диалектах.

Социальные (и профессиональные) диалекты образуют как бы слои в общенародном языке. Но есть и другие диалекты — территориальные. Иначе говоря, если мы будем путешествовать по какой-нибудь стране, то увидим, что в разных местах люди говорят немного по-разному, хотя и на одном языке. В таких случаях обычно и употребляется термин «территориальные диалекты».

Тулканье
Кыканье

Дробь
Раскат

Тленканье

Амтор
Рыца

Нарысь
Хлыница

В русском языке диалектные различия невелики, и любой русский человек, даже если он говорит на своем диалекте, всюду будет понят. В Германии же разница между диалектами такая, что жители Баварии и, например, окрестностей Гамбурга совершенно не поймут друг друга, если не владеют общенародным немецким языком.

Но даже речь одного человека не может быть всегда одинаковой: в зависимости от обстоятельств, от условий, в которых человек говорит, в речи его появляются стилистические отличия.

Сейчас, когда мы дошли до понятия стиля, настало время сказать и о норме языка. Часто мы слышим, что то или иное слово или выражение «нельзя» употреблять, что «так не говорят», или что это «нелитературно», или что «надо говорить так-то».

Что значит «надо», «нельзя»? Кто может запретить или рекомендовать говорить так, а не иначе?

Понятно, запретить тут ничего нельзя, да и не нужно. Ведь в конечном счете «надо» говорить так или иначе не кому-то другому, а самому говорящему. Представьте себе женщину, вышедшую на работу в поле в шелковом платье и туфлях на высоких каблуках. Кому придет в голову запрещать надевать в поле такой наряд? Заинтересованная сторона здесь сама женщина. Но то же нарядное шелковое платье и туфли весьма уместны в другое время. Так же и язык: он различен у одного и того же человека в зависимости от времени и места.

Поэтому когда нас учат в школе, что «надо» говорить определенным образом, то это отнюдь не насилие над нашей личностью. Школа должна научить, в частности, тому, при каких обстоятельствах как надо говорить. А так как обычную разговорную речь мы усваиваем и без школы, в семье и на улице, то основная задача школы — сформировать у нас навыки литературной речи, научить литературному языку, т. е. такой форме

общенародного языка, которая используется в художественной и научной литературе, в газетах, журналах и т. д. Никто не обязывает нас во всех случаях жизни непременно пользоваться только литературным языком — это могло бы привести к комическим ситуациям; но там, где принята литературная речь, например на трибуне, надо говорить на литературном языке.

Совокупность правил литературного языка, по которым принято строить свою речь в тех или иных конкретных условиях общения, и принято называть нормой языка.

О происхождении языка. Французский поэт XV в. Шарль из Орлеана писал в одном из своих стихотворений: «Нет ни одного зверя, ни одной птицы, которые не пели бы или не кричали бы на своем языке!» Но ученых интересует, конечно, не всякий звук, издаваемый животным, и не всякий сигнал, в той или иной форме «передаваемый» им. Нас волнует, как из звуков и других сигналов, присущих животным, мог возникнуть человеческий язык — величайшее достижение человеческой истории. Ведь язык — это не просто орудие общения; весь накопленный человечеством общественный опыт, почти все научные и практические, «житейские» знания хранятся и передаются от поколения к поколению в языковой форме. Каждый человек, входящий в мир и овладевающий его материальными и духовными богатствами, использует при этом язык и заменяющие его вспомогательные средства — письмо, чертежи, карты. Само сознание человека существует благодаря языку. Одним словом, человеческая культура и вообще все человечество может существовать и развиваться только потому, что человек владеет языком.

Секрет здесь в том, что язык имеет важную особенность, отмеченную еще основоположником научного языкознания Вильгельмом Гумбольдтом: он «умудряется» быть одновременно и общественным явлением, отражая достижения коллективного знания, и не зависит от воли и сознания каждого отдельного человека; но он является в известном смысле и индивидуальным — той формой, в которой только и может протекать логическое мышление, внутренняя речь, поэтическое творчество каждого отдельного индивида. Выступая как орудие мышления, язык, однако, сохраняет и свою объективность, свой общественный характер: бла-

годаря языку человек всегда как бы меряет свое поведение общественной меркой, членит и воспринимает окружающую действительность так, как диктует ему при помощи языка общественный опыт человечества, и т. д.

Еще в античности люди ломали себе голову над вопросом: почему¹ и как мог возникнуть язык? Ученые Древней Греции выдвинули две противоположные точки зрения, две теории. Одна из них называлась теорией «фюсей», что значит «по природе, естественно» (от того же греческого корня произошло название науки физики); другая называлась теорией «тесей», что значит «по установлению, искусственно». Согласно первой из них, язык возник сам по себе, без сознательного вмешательства человека, в силу действия законов природы. Согласно второй теории, язык появился в результате соглашения или договора людей: этот предмет давайте назовем вот так-то, а тот — так-то.

Совершенно ясно, что теория разумного договора неверна — она предполагает, что люди уже имели сознание к тому времени, как у них появился язык. А современная наука совершенно точно установила, что человеческое сознание невозможно без языка. Только общество делает человека человеком, и делает это при помощи языка.

Итак, теория «тесей» ошибочна, и язык возник в силу естественных закономерностей.

Но в таком случае какие причины привели к возникновению языка? Как выглядел первобытный язык?

С полной уверенностью ответить на эти вопросы наука пока не может. Но благодаря совместной работе ученых разных специальностей — философов, антропологов и этнографов, археологов и лингвистов — в последние годы стало возможным, опираясь на объективные научные факты, выдвинуть некоторые предположения, касающиеся происхождения древнейшего языка.

Вы знаете, что труд создал человека и что членораздельная речь возникла благодаря трудовой деятельности; в процессе труда, как писал Энгельс, у первобытных людей появилась «потребность что-то сказать друг другу». Но потребность эта появилась не на голом месте. Не существует ни одного вида животных, у которого не было бы собственной системы сигналов, используемых для коммуникации, для общения. Например, в стаде павианов-гамадрилов используется более десятка различных звуков, каждый из которых вызывает у гамадрила совершенно определенную реакцию.

Но в отличие от людей, сознательно воспринимающих речь, понимающих то, что им говорят, гамадрилы ничего не могут понимать. То или иное поведение в ответ на услышанный сигнал возникает у них благодаря простейшему условному рефлексу. Скажем, если гамадрил услышит, как другой гамадрил кричит «ак, ак!», то он автоматически обратится в бегство, потому что в его психике этот звук условнорефлекторно связан с представлением об опасности. И наоборот: всякий страх, всякое ощущение опасности вызовет у гамадрила произвольный крик «ак!». В этом отношении звуковые сигналы гамадрилов напоминают междометия человеческого языка: мы с вами одинаково вскрикиваем «ой!» независимо от того, обожгли мы палец, укололи или прихлопнули дверью.

Вот такие-то звуковые сигналы, наверное, и послужили основой для формирования человеческого языка.

Известно, что речь современного человека членораздельна. Это значит, что в ней можно выделить предложения, слова, морфемы (т. е. корни, приставки, суффиксы и окончания), слоги, наконец, звуки. Внимательное изучение механизмов речи и того, как ребенок овладевает языком, показывает, однако, что не все эти единицы человеческой речи возникли одновременно.

Почти с уверенностью можно сказать, что речь древнейшего человека не распадалась на звуки — слог был

самой меньшей частицей его речи. Эта особенность первобытного языка отразилась, — правда, не непосредственно — в строении некоторых современных языков и в особенности в закономерностях овладения языком. Например, ребенок, еще не знающий грамоты, как правило, не умеет выделить в слог гласные звуки — они для него слиты вместе с согласными в слоги. Его придется специально учить, как говорят психологи, звуковому анализу слова.

Очевидно, что разделение речи на морфемы — дело довольно позднее. Ведь есть языки, почти совсем не имеющие ни приставок, ни суффиксов, ни окончаний. Большую часть морфем в самых различных языках можно возвести к полнозначным словам — обычно наречиям или местоимениям. Очень вероятно, что в первобытном языке морфемы не выделялись.

В современном языке слог, слово и предложение совпадают только в редких случаях (например, если мы окрикнуем кого-нибудь: «Стой!»). А в первобытном языке, по всей видимости, слог был одновременно и словом, и предложением. А в дальнейшем первобытные слова-предложения стали по-разному разлагаться на звуки и слоги, по-разному сочетаться в речи, что привело к разнице в звуковом и грамматическом строе разных языков.

Но все описанные черты характерны только для «настоящего» человеческого языка.

В сигналах, используемых животными, нет ничего похожего на это. И не так легко ответить на вопрос: что должно было произойти с нашими обезьяноподобными предками, чтобы их система коммуникации получила новое качество и смогла стать орудием мышления?

В поисках ответа на него ученые обратились к исследованию живущих сейчас обезьян. Изучая высших, человекообразных обезьян, или антропоидов, они выдвинули гипотезу о том, что человеческий язык возник из так называемых жизненных шумов — произ-

вольных звуков, биологически не существенных и сопровождающих различные действия шимпанзе или орангутанов. Однако эта гипотеза имеет одну слабую сторону: ведь шимпанзе, орангутан и другие антропоиды — животные не общественные, они живут в одиночку или небольшими семьями. А наш предок был, конечно, стадным животным, напоминая этим гамадрилов, макака, т. е. «низших» обезьян.

Между тем у гамадрилов и других обезьян, живущих стадами, существуют совершенно особые звуковые сигналы, служащие специально для общения внутри стада. А так как человеческий язык возник, без сомнения, в обществе, для целей общения в процессе труда, то вероятнее всего, что основой для его формирования послужили не «жизненные шумы», а средства сигнализации в стаде.

Например, у питекантропа большую роль играла совместная трудовая деятельность, положим охота. И нужны были такие средства общения, которые помогли бы регулировать поведение, направлять его тем или иным образом, а не просто сигнализировать о чем-то.

Но человек на этой ступени, вероятно, еще не располагал сознанием. Оно появилось позже, когда потребовалось обозначать уже не отдельные действия, а отдельные предметы. «На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились... потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам... предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира» (К. Маркс).

Теперь человек, слыша звуки речи, уже не слепо реагирует на их звучание, а осознает значение, содержание речи. Язык приобрел знаковый характер.

Происхождение языка пока еще не объяснено окончательно, и требуется большая и серьезная совместная

работа ученых разных специальностей, чтобы ответить сколько-нибудь определенно: так это было или не так? Но во всяком случае проблема интересная.

Почему мы умеем говорить? Часто говорят: язык — это способ, средство общения. Это, конечно, верно, но только до известной степени. Посудите сами: ведь животные тоже общаются — пчелы и муравьи, рыбы и птицы, кошки и собаки... Однако каждый из нас интуитивно прекрасно понимает, что между средствами общения, скажем, у пчел или у рыб и человеческим языком есть какая-то существенная разница. Какая же именно?

Давайте попытаемся в этом разобраться.

После работ академика И. П. Павлова всякий школьник знает, что такое рефлекс. Но мы все-таки напомним, что это реакция, или ответ, организма на разного рода внешние воздействия, которые физиологи называют раздражителями или стимулами. Раздражители бывают биологически важными, существенными для жизни, или безразличными. Например, кусок мяса для собаки — биологически важный раздражитель, а для коровы — безразличный. Клок сена, наоборот, будет биологически важным раздражителем для коровы и безразличным для собаки.

Вид куска мяса вызовет у всякой собаки, хотя бы она была отнята у матери маленьким щенком и никогда не видела других собак, одну и ту же реакцию — будет бурно выделяться слюна, собака потянется к мясу. Так, кстати, реагирует на пищу и голодный человек. Такой слюнный и вообще пищевой рефлекс называется безусловным, врожденным, он закреплен в строении нервной системы собаки.

Чтобы он «сработал», собаке достаточно столкнуться с биологически важным раздражителем, соответствующим этому рефлексу.

Не будь безусловных рефлексов, животные да и человек просто не смогли бы жить и удовлетворять

самые необходимые потребности, поддерживать свое существование.

Кроме безусловных у животных и у человека есть еще так называемые условные рефлексy. Например, поговорка о пуганой вороне, которая, как известно, «куста боится», как раз и описывает условнорефлекторное поведение. Сначала ворона не боялась куста. Но в куст спряталось какое-то опасное для вороны существо, скажем человек с дробовиком, и испугало ворону. Теперь вид куста превратился для нее из безразличного в биологически важный раздражитель. Она уже не дожидается, чтобы в нее всадили заряд дроби, а прямо летит восвояси.

Такой условный рефлекс не врожденный. Он формируется у каждого животного и каждого человека в отдельности каждый раз заново. Образно говоря, каждую ворону, чтобы она «куста боялась», нужно заново пугать. Но это, пожалуй, единственная серьезная разница, в главном же условный рефлекс мало чем отличается от безусловного: условнорефлекторная реакция такая же автоматическая и бессознательная, как и безусловнорефлекторная. Знаменитый философ Рене Декарт недаром сравнивал рефлекторное поведение с работой машины.

Но есть и еще одна форма поведения — так называемое интеллектуальное поведение, интеллектуальная деятельность. В чем его отличие?

Когда раздражитель вызывает у животного или человека ту или иную рефлекторную реакцию, связь раздражителя и реакции, так сказать, «жесткая». У животного (или у человека) нет выбора. Рефлекс диктует ему один-единственный путь: голодной собаке — вцепиться в мясо; пуганой вороне — лететь прочь от куста; тому, кто обжегся на молоке, — дуть на воду. Можно сказать, что во всех этих случаях раздражитель как бы нажимает на кнопку звонка. А раздающийся при этом звонок — это рефлекторная реакция.

Интеллектуальное же поведение всегда предполагает выбор из нескольких возможностей. Знаменитый шахматист экс-чемпион мира Эммануил Ласкер так описывает типичный случай интеллектуального поведения — игру в шахматы: «Многие мысли стремятся к воплощению — правильные и ошибочные, сильные и слабые, практичные и непрактичные. Они зарождаются и борются между собой, пока одна из них не одержит верх». При интеллектуальном поведении перед нами не категорическое требование: «Делай так — не иначе», как при рефлексорном; мы стоим перед задачей, и выбор правильного решения зависит от нашего ума, жизненного опыта, умения пользоваться усвоенными знаниями.

Каждый акт интеллектуального поведения, интеллектуальный акт (а их в поведении столько, сколько поставлено перед человеком задач), состоит из трех частей, или фаз. Первая из них — это ориентировка в условиях задачи и выработка плана действий. Вторая — это осуществление определенного варианта поведения. Третья — сопоставление получившегося результата с поставленной задачей. Как пример интеллектуального акта мы можем привести деятельность Александра Невского, обеспечившую победу над псами-рыцарями на Чудском озере. Сначала, поднявшись на Вороний Камень, Александр оценил ситуацию и сопоставил несколько возможных вариантов действия, чтобы выбрать из них наиболее правильный. Затем, решив поставить свои войска на льду в виде клина и заманить в этот клин тевтонских рыцарей, он осуществил вторую часть интеллектуального акта. И наконец наступила третья часть этого акта — когда Александр с удовлетворением наблюдал, как гибли в холодной воде тяжеловооруженные рыцари — в строгом соответствии с его военным замыслом.

Это пример интеллектуального акта, частично (во второй и третьей фазах) проходившего в форме практи-

ческого действия. А чисто теоретическим, проходившим целиком «в уме», был, например, акт решения Архимедом задачи, поставленной правителем Сиракуз. Доказательством «теоретичности» этого интеллектуального акта является то, что решил эту задачу Архимед в ванне.

Так или иначе, но в каждый интеллектуальный акт у человека обязательно входит фаза планирования в уме будущего действия. Как раз эту особенность интеллектуального поведения у человека подчеркнул К. Маркс: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове».

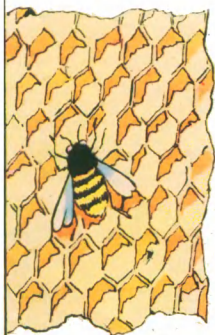
Восприятие человеком окружающих предметов — это тоже интеллектуальный акт, но сокращенный. Почему мы воспринимаем, скажем, часы как часы? Это легко понять, проследив, как познает мир ребенок или как мы с вами стараемся понять, для чего служит незнакомый нам предмет. Мы ориентируемся в своих впечатлениях и выдвигаем определенную гипотезу — с чем мы имеем дело (первая фаза); затем стараемся проверить эту гипотезу — непосредственно или задавая вопросы другим людям (вторая фаза); наконец сопоставляем гипотезу и результаты ее проверки (третья фаза).

Нас сейчас интересует одна сторона восприятия. Чаще всего, увидев незнакомый предмет, мы спрашиваем не «Для чего это?», а «Что это?». Нам отвечают, скажем: «Часы», и мы этим ответом вполне удовлетворяемся.

Почему нам достаточно слова, откуда мы знаем, какие признаки связаны с этим ярлычком — словом «часы»? Это «знает» за нас язык, вернее, опыт многих поколений, закрепленный в языке. Все предметы, пока-

«Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове».

К. Маркс

зывающие время, мы называем часами не потому, что нам так нравится, а потому, что так принято у говорящих на русском языке. (А вот в английском языке есть не одно, а два слова и соответственно два понятия — watch (часы на руке или на столе) и clock (башенные часы).

Слова как раз позволяют нам объединить наш собственный, личный опыт и опыт всего человечества, использовать в нашей деятельности не только то, что мы увидели или слышали сами, но и то, что узнали до нас другие люди. Когда мы, допустим, читаем учебник, то тоже пользуемся этой способностью нашего языка — мы ведь едва ли можем собственноручно измерить, скажем, высоту горы Килиманджаро, а уж о том, чтобы своими глазами увидеть битву на Куликовом поле, и речи быть не может. Во всех подобных случаях мы как бы верим «на слово» опыту других людей, закрепленному и переданному нам с помощью языка. Великий русский биолог К. А. Тимирязев в одной из своих работ сказал по этому поводу: «Если заурядный, но получивший современное образование человек обладает в наше время сведениями о природе, которым позавидовал бы Аристотель, то причина тому лежит не в исключительном каком-либо умственном превосходстве, а, конечно, в тех двадцати двух веках, которые недаром же прожило с тех пор человечество».

Язык играет громадную роль и в любом другом интеллектуальном акте. Именно он является главным орудием, при помощи которого мы можем планировать в уме свои действия (хотя и не единственным таким орудием). Вот эти-то его признаки, две функции языка — как средства познания мира и как средства мышления — и являются главным в психологическом отношении. Мышление, сознание человека, как говорят, опосредствовано языком. Именно благодаря тому, что человечество располагает языком как средством закрепления общественного опыта, оно может передавать от

поколения к поколению самые сложные достижения познания. Чем дальше, тем больше этих элементов познания, этих крупиц общественного опыта, общественной практики оказывается в распоряжении человечества. И каждый из нас, появляясь на свет, не просто взаимодействует с окружающей действительностью и с другими людьми. Чтобы жить и действовать как полноценный член человеческого общества, каждый должен научиться при помощи языка тому, что знают о действительности другие люди, человечество в целом.

Ну, а что касается языка как средства общения, как орудия коммуникации, то из сказанного выше ясно — никаких других функций он, наш язык, просто не мог бы выполнять, если бы не служил для общения. Но в том-то и отличие его от средств коммуникации у животных, что он служит человеку не только для этого. И когда мы употребляем словосочетание «язык животных», то это, в сущности, неправильно: ведь для пчелы, муравья, сороки или обезьяны их «язык» не является ни орудием познания, ни способом усвоения «общемуравьиного» или «общесорочьего» общественного опыта. Такого опыта и не существует. Даже если мы иногда называем пчел или муравьев общественными животными, это означает лишь, что они живут, как говорят биологи, «сообществами» — пчелы в улье, муравьи в муравейнике. Но каждый член такого «сообщества» в биологическом отношении совершенно самостоятелен; а человек — это прежде всего член человеческого общества.

Наш параграф называется «Почему мы умеем говорить?». Из того, что мы сказали, видно, что вопрос этот стоило бы поставить немного по-другому: зачем мы умеем говорить, зачем человеку язык? Ответ ясен: язык нужен человеку, чтобы быть человеком, полноценным членом человеческого общества, чтобы мыслить и действовать по-человечески. Потому-то мы и умеем говорить, что человечество, человеческий род или, выража-

ясь более строго, вид «хомо сапиенс», человек разумный, нуждается в языке, в речевом общении, чтобы развиваться, эволюционировать. Ведь основное биологическое отличие вида «человек разумный» от других видов животных заключается совсем не в особенностях строения тела или, скажем, в весе мозга: оно заключается в том, что человек живет в человеческом мире, что он сталкивается с природой не один на один, а через посредство придуманных обществом орудий труда, через посредство общественно выработанных знаний и умений, социальных норм поведения и способов общения. И чем дальше, тем все более совершенными становятся эти внешние средства, помогающие взаимодействию человека с окружающей средой.

В животном мире эволюция касалась только развития и изменения индивидуальных биологических признаков, а у человека она распространяется на совершенствование его, как говорил Г. В. Плеханов, «искусственных органов» — органов мышления и органов труда.

И именно поэтому, несмотря на все наши усилия, дельфины никогда не заговорят с нами ни на человеческом, ни тем более на своем, дельфиньем языке. Дельфин как раз всегда стоит один на один с окружающим его миром, в этом смысле он типичное животное. А раз так, то откуда взяться у него языку? Как ни жаль, но «собратьев по разуму» нет смысла искать на нашей планете — за это ручаются антропология, психология и философия.

Правда, находятся ученые, в том числе очень квалифицированные в своей области, которые придерживаются иного мнения (а о журналистах и нечего говорить).

Но среди этих ученых, обратите на это внимание, нет и никогда не будет психологов. Это биологи, кибернетики... Дело в том, что о психике и ее законах почему-то очень часто считают возможным судить не специалисты.

Человек, общество, личность. Для языков, с которыми мы можем столкнуться вне Земли, вероятно, совершенно не обязательны слова в том виде, в каком мы находим их в русском и других европейских языках. Важно не наличие или отсутствие именно слов, а наличие или отсутствие средств, позволяющих человеку или другому разумному существу передавать и усваивать общественный опыт, общественно выработанные знания, умения, нормы поведения.

Но на словах акт речи еще не кончается. Чтобы речь прозвучала, была услышана и понята, эти слова нужно произнести. И сразу же обратим внимание, что человек произносит их совсем иначе, чем «произносит» человеческие слова, скажем, попугай. Мы уже говорили об этом: для человека, в отличие от любого, даже «говорящего» животного, речь распадается на отдельные звуки. Каждый звук в его сознании противопоставлен другим звукам: **кол**, а не **гол**; **рак**, а не **рок**; **ком**, а не **кон**. И весь сложный механизм произношения отдельных звуков и целых слогов, существующий у человека, как раз и предназначен для того, чтобы не просто приблизительно воспроизвести звучание слова, а обеспечить тончайшие значимые различия в этом звучании. И не случайно у человека развилась специфическая физиологическая система, особая способность, отсутствующая у животных, — так называемый речевой или фонематический слух.

Зачем нужны человеку все эти тонкости? Почему мы не можем разговаривать друг с другом, используя те же механизмы, что, скажем, собака, когда она воспринимает команду «ложись»?

Собаке, в сущности, все равно, сказать ли ей «ложись» или «ажи», она ориентируется на общее звуковое впечатление.

Может быть, дело просто в том, что человека окружает много предметов, что ему приходится иметь дело со множеством понятий и для каждого из них надо

придумывать какой-то особый отличительный значок? Если бы дело обстояло именно так, то логично было бы предположить, что у тех народов, у которых в языке сравнительно мало слов, и звуков должно быть меньше. Да, наверное, и слова тоже должны быть короче — зачем тратить лишнюю энергию? Кроме того, если бы это было так, для каждого понятия, вероятно, должно было бы существовать особое слово.

Но на самом деле все обстоит далеко не так. Во-первых, есть народы с первобытной культурой, очень далекой от европейской, у которых сравнительно мало слов (скажем, несколько тысяч, в то время как словарь таких языков, как русский или английский, включает до 100 тысяч слов). Но в то же время в языках этих народов нередко имеются сложнейшие системы звуков, во много раз более сложные, чем, например, система звуков русского языка. То же касается длины слов. Например, простое слово **синий**, которое почти во всех языках очень короткое (по-немецки — blau, по-английски — blue), в одном из папуасских языков острова Новая Британия в Океании звучит совершенно устрашающе: **киндемпумаун!** Чтобы вы не подумали, что мы специально искали такое слово, вот вам другое — для понятия **красный** (по-английски — red, по-немецки — rot): **эденпинакодок**.

Значит, дело не в количестве слов. Кстати, очень распространено мнение, что у так называемых «первобытных» народов слов очень мало — иногда называют цифру 300 — 400. Это совершенно ошибочное мнение. Конечно, языки с развитой литературой, языки с научной терминологией имеют больше слов, чем язык какого-нибудь затерянного в пустыне бушменского племени. Но не настолько! Ведь как бы «первобытна» ни была культура бушменов, у них своя жизнь, свои общественные отношения, свой, хотя и самый неразвитый, способ производства материальных ценностей, свои мифы, сказки, легенды, свои рецепты на случай болез-

ни, свои знания об окружающем мире, которые они сообщают детям... А для всего этого нужны слова. Так что их никак не может быть меньше, чем несколько тысяч.

Попытаемся проверить и второе допущение — о том, что для каждого понятия должно существовать особое слово. Здесь нам не нужно путешествовать: вы и из собственного опыта знаете, как многозначны слова любого языка, например русского, не говоря уже о случайных совпадениях в звучании — омонимах — вроде **коса** у девушки и **коса**, которой косят. А если вы все-таки хотите экзотики, то вот вам список значений одного только слова **са** в африканском языке эве: гулять, течь, продавать, откладывать в сторону, не хватать, привязывать, — кажется, достаточно!

Да и вообще нет необходимости разлагать слова на звуки, чтобы их противопоставить друг другу. Любое животное может различать на слух очень тонкие особенности звучания — такие эксперименты делались с собаками. Почему бы не обойтись теми же возможностями и нам?

Видимо, дело не только в том, что нам нужно **обозначить** много разных предметов, явлений, понятий. Большую роль играет здесь другая сторона языка — не обобщение, а **общение**, то, что нам нужно с наименьшими потерями донести наше слово до собеседника, так сказать, повысить надежность нашей речи.

То, что наши слова состоят из звуков, а звуки противопоставлены друг другу, как раз и служит для повышения такой надежности. Мы теперь не обязательно должны произносить слово совершенно одинаково: важно, чтобы мы произносили те самые звуки, которые нужны для данного слова. А их мы можем произносить с отклонениями от обычной нормы: многие произносят **р** картаво, а **л** почти как **в**, но это не мешает взаимопониманию, потому что все это — различные допустимые варианты одних и тех же звуков. Кроме того, в слове

есть свои «запасы прочности»: если вместо **корова** мы скажем **горовá**, то это не повлияет на понимание, потому что слова **горова** в русском языке нет, а из контекста, из обстоятельств, в которых это слово произнесено, мы наверняка догадаемся, что речь идет о корове.

Покажем на примере, почему этот принцип выгоден. Представьте себе, что вы — разведчик и должны передать условное сообщение. Вы договорились о том, что если на окне стоит слева герань, а справа кактус, то все в порядке, а если кактус на месте, а вместо герани стоит фикус, то явка провалена. Тому, кто будет смотреть на окно, совершенно несущественно, что это будет за герань, сколько лет фикусу и какой разновидности кактус: ему важно само присутствие этих растений, а их индивидуальные особенности роли не играют. Так и в языке. Важно, что в слове **кот** первый звук — **к**. Произнесете ли вы его громче или тише, с придыханием или без, долго — **кккот** или сразу, взрывом — **кот**, — несущественно.

У этой проблемы есть две стороны. Одна — почему именно таким способом мы противопоставляем друг другу слова? Да просто потому, что человеку было удобно приспособить для этой цели имеющийся у него физиологический аппарат. Но можно представить себе и такой случай, когда в качестве способа противопоставления используются другие особенности звучания — например музыкальный тон. Кстати, на нашей Земле есть множество языков, где этот принцип действительно используется, правда, вместе с принципом членения слова на звуки. Это так называемые тональные языки, например вьетнамский.

Но язык ведь нужен обществу не только для этого, не только для того, чтобы сделать человека полноценным членом общества. Вся повседневная жизнь общества совершается через язык, при помощи языка. И ошибочно думать (а иногда можно встретить такие высказывания), что язык — это что-то приплюсованное

сверху к жизни и деятельности общества, прежде всего к труду, что это какая-то добавка, полезная, но не необходимая. Помните у Энгельса? Он говорил: «Развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как... стало ясней сознание пользы... совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать друг другу*». Из этих слов видно, что для Энгельса язык — это именно средство совместной деятельности.

Обратите внимание на это положение. Оно очень важно не только для интересующего нас с вами вопроса о контактах с иными цивилизациями, но и вообще для понимания того, что такое язык.

Итак, язык — это средство, обеспечивающее тесное сплочение и совместную деятельность членов человеческого общества. Язык, наряду с другими особенностями общества, и прежде всего наряду с совместным трудом, общественным производством, является одним из необходимых признаков общества, необходимых моментов, без которых общество просто не может существовать.

Люди способны совместно трудиться и вступать в различные общественные отношения в значительной мере благодаря тому, что у них есть могучее средство общения — язык. И язык позволяет обществу осуществлять внутреннее совершенствование, внутреннее развитие. Конечно, и здесь прежде всего мы имеем дело с развитием производства: но одно развитие производства при современном уровне развития человеческого общества, человеческой культуры уже не могло бы обеспечивать его поступательное, прогрессивное развитие.

Колоссальные области человеческой деятельности опосредованы языком, невозможны без него: наука, искусство, философия, — одним словом, вся духовная жизнь общества.

Как мы говорим? С чего начинается речь? Совсем не с поиска слова для обозначения каких-то реальных предметов и явлений. Процесс общения начинается с того, что мы оказываемся один на один не с предметом, не с явлением, а с целым множеством явлений и предметов, с целой ситуацией, которую нам нужно облечь в языковую форму. И это совсем не что-то внешнее по отношению к говорящему. Он не просто отражает предметы и явления, как в зеркале, в своей речи; они для говорящего часть его собственной деятельности.

Вы когда-нибудь задумывались над тем, что в окружающем нас мире вещей есть и такие, для которых у нас нет специального названия, и поэтому они оказываются, как правило, вне поля нашего внимания? Так вот, имеют названия и осознаются лишь те предметы и явления, которые оказались важными для общественной практики, и прежде всего для трудовой, производственной деятельности людей.

Например, для нас с вами мельчайшие различия в масти северных оленей несущественны, и мы не имеем специальных слов для обозначения этих оттенков. А в языках народов Севера все эти оттенки, как правило, называются особыми словами.

Но вернемся к той ситуации (она всегда связана с определенной деятельностью), которая подлежит языковому обозначению. Люди, говорящие на разных языках, выделяют в ней не совсем совпадающие элементы. Например, синий или голубой — это разные цвета. Но в английском и немецком языках оба они обозначаются одним словом. Такие различия могут быть довольно большими: например, чтобы сказать «он приглашает гостей к ужину», русский и индеец племени нутка употребят совершенно разные слова, причем в индейской фразе не будет ни слова «приглашать», ни слова «ужин», но в целом мысль останется все той же.

Итак, первое, что делает человек, — он расчленяет ситуацию на элементы, обозначаемые отдельными сло-

вами, и в то же время соединяет друг с другом эти отдельные слова по законам своего языка — пока еще мысленно, причем он сам еще не осознает того, что делает. Собственно, он оперирует даже и не словами, а какими-то признаками, сигналами слов. Какими, мы не знаем. Не знаем мы и того, как конкретно происходит такой процесс: о нем можно только догадываться. Наука пока не знает методов исследования этой стороны речевого общения.

Вероятнее всего, на этом этапе еще нет и речи ни о какой грамматике в нашем обычном понимании; вспомним, как мы, уже начав говорить, иногда вдруг задумываемся, в какую грамматическую форму нам облечь свою мысль.

Но вот у нас где-то в мозге уже есть схема будущего предложения. Что с ней происходит дальше? По всей вероятности, она поступает в какой-то другой «отдел» или сразу в несколько «отделов» мозга, где на место сигналов слов ставятся настоящие слова, т. е. слова облакаются в свойственную им звуковую (фонетическую) форму. Или, вернее, для каждого сигнала подбирается последовательность тех команд, которые будут подаваться мозгом в органы речи. Надо думать, что эти команды подбираются не сразу для всего предложения, а для определенных слов, по мере того как мы говорим.

Куда же подаются команды? Изучением этого вопроса занимается специальная наука, называемая экспериментальной фонетикой.

Работами советского ученого Н. И. Жинкина установлено, что мозг подает сигналы в три разные точки организма. Во-первых, это органы дыхания, от которых зависит, будет ли подан в глотку, в рот и в нос воздух, необходимый для говорения. Во-вторых, это специальный механизм глоточной регулировки дыхания. Он «распоряжается» членением речи на слоги и регулирует подачу воздуха в зависимости от того, какие именно звуки произносятся: есть звуки громкие сами по себе,

например а, о, л, и для них не нужно дополнительной порции воздуха; есть звуки тихие, неслышные, например к, т, п, которые нужно «обеспечить» наибольшим давлением воздуха.

У М. М. Пришвина есть рассказ «Двойной след» — о собаке по кличке Кэт. Там говорится: «...Кэт от первоначального, неудачно данного первым ее владельцем, Китти. Тот был не охотник, не понимал, что кричать на букву и громко нельзя...». Именно потому и нельзя, что весь запас давления воздуха в этом слове уже оказывается израсходованным на произнесение звука.

Наконец, третий сигнал подается в органы артикуляции, собственно речевые органы, особенно в язык.

Не все эти три сигнала во времени совпадают. Дело происходит так: одновременно подаются сигналы только в органы артикуляции и в глотку. Эти сигналы согласованы между собой. Конечно, такое согласование получается не сразу — для него нужна долгая речевая практика. Кстати, именно поэтому взрослому человеку, знающему только свой родной язык, обычно бывает очень трудно заговорить на иностранном языке. В каждом языке произношение звуков и деление речи на слоги согласованы между собой по-разному, а у взрослого человека уже образовалась условнорефлекторная связь между глоткой и органами артикуляции.

Лишь после того как поданный сигнал достигнет глотки, она «произведет расчет» необходимого количества воздуха, и результаты этого «расчета», вернувшись в мозг, будут им переданы дальше — органам дыхания.

Техника произнесения отдельных звуков вам, вероятно, известна. Любой звук любого языка всегда можно отнести к одной из двух групп: согласным или гласным. Гласные звуки образуются только благодаря колебанию «струн», находящихся у нас в гортани, — голосовых связок. Звучание этих «струн», как и в любом струнном инструменте, например гитаре, усиливается и

несколько изменяется с помощью резонаторов. В гитаре это пустое пространство внутри корпуса гитары. В нашем речевом механизме это глотка, рот и нос.

Все прочие звуки — согласные. Они возникают в результате трения воздуха о различные части речевого механизма. Это трение может быть двух родов: или оно происходит постепенно, так, что звук можно тянуть, или воздух скапливается перед какой-то преградой, а затем она открывается и получается нечто вроде щелчка. Звуки, получающиеся при первом способе, — это так называемые щелевые (спиранты), например **ф, в, с, з, ш, х**, и так называемые сонанты, например **р, л, м, н**. При втором способе получаются так называемые взрывные звуки: **б, п, д, к**. Если гласные напоминают звучание струнного инструмента, то согласные можно сравнить со звуком духового инструмента, например трубы.

Все эти звуки, в свою очередь, могут быть разделены на группы по разным принципам. Например, в зависимости от того, происходит ли во время произнесения согласного звука только трение или также и колебание голосовых связок, он может быть глухим или звонким. Можно разделить звуки и на губные, зубные, нёбные и т. д.

Так или иначе, речь осуществилась: в виде последовательности звуковых волн наше сообщение отправилось в путешествие. Но вот оно достигло конечного пункта — нашего собеседника. Что происходит при этом?

Раньше думали, что мы по очереди передаем в мозг и «расшифровываем» сведения об отдельных звуках речи. Сейчас установлено, что это не так.

Во-первых, выяснилось, что в восприятии речи принимают самое активное участие органы артикуляции. Чтобы понять слово, нужно его сначала самому проговорить; и не случайно дети или малограмотные взрослые, читая, часто шевелят губами.

Во-вторых, как установила физиолог Л. А. Чистович, мы имеем дело при восприятии не с отдельными звуками

ми, а с образующими их мельчайшими элементами. Мы запоминаем и потом «складываем» в звуковой образ слова не а, к, т, а звонкость, губность, взрывность. Если мы слушаем обычную, осмысленную речь, то первое объединение этих признаков происходит в слоге, а затем получившиеся результаты еще раз проверяются и уточняются уже в целом слове. И вот, когда мы уже услышали и правильно отождествили целое слово, описанный нами раньше процесс начинает осуществляться в обратном порядке: слово заменяется каким-то очень кратким емким сигналом; отдельные сигналы, постепенно накапливаясь, объединяются и воспринимаются все вместе как носители единой мысли.

Мы уже упоминали, что внутренняя речь осуществляется так же. Только, конечно, здесь совершенно необязательно, чтобы подаваемые в органы речи сигналы вызывали реальное звучание. Организм наш как раз и экономит на этом. Хотя все сигналы подаются точно тем же порядком, что и при обычной речи, но органы произношения двигаются едва-едва, так сказать, только намечают направление и способ действия. Для того чтобы выяснить, что они вообще действуют, требуется специальная, очень тонкая аппаратура. Но они все-таки действуют!

После всего сказанного вы вправе задать вопрос: ну, а как же обстоит дело у глухонемых, не умеющих говорить? Да почти так же. Ведь «речь» глухонемых, — во всяком случае, взрослых — это копия, слепок нашей звуковой речи: она состоит из тех же предложений и слов. Только вместо того чтобы подавать их в органы дыхания, мозг «переадресует» их рукам.

Речь и виды речи. До сих пор слова «язык» и «речь» мы употребляли в одном значении, хотя для лингвистов это не одно и то же. Конечно, каждый из нас говорит на русском языке, пользуется лексикой русского языка, строит фразы по правилам русской грамматики.

Но можно ли считать, что все то, что и как мы говорим, заранее предусмотрено в словаре и в грамматике русского языка? Конечно, нет. Например, словарь знает только общезыковые значения слов; ему известно, что такое, допустим, кошка, только в самых общих чертах. Но вы-то говорите не о какой-то кошке вообще, а о вашей кошке Мурке и связываете со словом «кошка» свои собственные, очень индивидуальные воспоминания, ощущения, эмоции. То же с грамматикой: она предусматривает, как строить, например, предложение, но ей нет дела до того, как именно вы построили данное, конкретное предложение в заданных ею рамках.

Вот эти-то особенности нашей речевой деятельности, не предусмотренные грамматикой и словарем языка, и заставляют говорить наряду с понятием языка и о понятии речи.

Вот отрывок из стихотворения Сергея Есенина:

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны... —

и отрывок из книги профессора М. А. Сапожникова «Речевой сигнал в кибернетике и связи»:

«Сравнение ширины частотного диапазона трехполосной передачи с равноценной по разборчивости одной полосы частот показывает, что трехполосная передача дает сужение частотного диапазона примерно в 1,5 раза».

Неужели вся разница между этими отрывками только в индивидуальных особенностях речи авторов? Всякий школьник младшего класса понимает, что в первом случае мы имеем дело со стихами, с поэтической речью, а во втором — с речью научной. Язык остается в обоих случаях один и тот же — русский. Правда, из сокровищницы русского языка здесь и там отбираются разные слова; но позабудьте об этом на минуту и срав-

ните между собой только грамматическую и звуковую, фонетическую, сторону обоих отрывков — все равно увидите громадную разницу. У Есенина — короткие назывные предложения (Золото... Запах...), необычный порядок слов (Золото холодное); в технической книге — сложная, запутанная конструкция, построенная по самым строгим требованиям грамматики. У Есенина — ритм, рифма, повторение одних и тех же звуков (золото — запах; золото — холодное — луны; голубой — ласковый; олеандра — левкоя); у Сапожникова ничего похожего на это нет. И самое главное — все эти особенности в определенной мере типичны для всяких стихов и всякой научной книги. Следовательно, поэтическая и научная речь — это разные виды речи. Даже один и тот же человек в зависимости от условий пользуется разными видами речи. Сравните хотя бы речь монологическую (например, лекцию, доклад, рассказ учителя на уроке) и речь диалогическую, когда собеседники обмениваются вопросами, ответами, краткими репликами, иногда не высказывая до конца свою мысль и понимая друг друга с полуслова.

Можно выделить и другие виды речи, например речь устную и письменную.

Внутренняя речь — тоже вид речи. Этим термином ученые называют речь, не произносимую вслух, а существующую только в нашем мозге. Это такая речь, которую мы обращаем к самим себе. Допустим, вы не выучили урока. Учитель берет журнал и смотрит, кого бы ему вызвать. Вы говорите себе мысленно: «Хоть бы меня не спросил». Это и есть внутренняя речь, и даже очень характерный для нее случай — когда в предложении нет подлежащего. Оно для внутренней речи обычно и не нужно: ведь то, о чем мы думаем, в таких случаях у нас перед глазами или, по крайней мере, достаточно ярко представляется нам.

Впрочем, внутренняя речь, хотя она и беззвучна, не так уж отличается от речи внешней, звучащей. И та и

другая управляются одними и теми же речевыми механизмами.

Владеете ли вы русским языком? Не спешите отвечать на этот вопрос утвердительно. Все зависит от того, что понимать под «владением» языком.

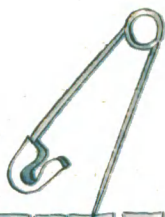
Начнем с того, что русским языком во всем богатстве его грамматики и особенно словаря вообще никто не владеет. Число слов в современном русском литературном языке приближается к 100 тысячам. Но если мы возьмем число слов, употребляемых даже самыми крупными русскими писателями, то оно далеко не будет достигать этого числа. Например, Пушкин, к произведениям которого сейчас составлен полный словарь, употреблял «всего-навсего» 21 тысячу слов.

Дело даже не в этом. Владеть языком — значит максимально использовать все выразительные возможности, скрытые в нем; уметь вложить даже в самый малый запас слов, выражений все, что можно в него вложить; уметь понять сказанное так, как оно было сказано. Все это не так просто.

В процессе овладения языком одни и те же результаты могут достигаться разными способами. И ребенок, который учится говорить и уже правильно употребляет звуки и грамматические формы, совершенно необязательно пользуется при этом точно тем же механизмом, что мы с вами.

Когда ребенку исполняется год три — год четыре месяца, он говорит многие слова как будто уже правильно. Но если для нас важно, говоря, ясно различать похожие слова — именно «кошка», а не «кашка», именно «сало», а не «зала», то ребенок этого возраста, наоборот, усвоив какие-то слова, подгоняет все новые слова под уже знакомые образцы. Поэтому совершенно разные слова начинают у него звучать очень похоже.

В следующие полгода ребенок выучивается различать похожие слова. Но он их различает не потому, что

KX! KX! KX!

понимает, в чем разница, а только потому, что знает от взрослых, что это разные слова. И только в начале третьего года жизни он овладевает фонетикой родного языка настолько, чтобы не только ясно различать слова, но и понимать, в чем их различие.

А разлагать слова на составляющие их звуки он обычно так и не может научиться до 6 — 7 лет, иногда до самого поступления в школу. Первоклассники, например, часто не умеют выделить в слове гласные и на вопрос, из каких звуков состоит, скажем, слово «корова», говорят: **к, р и в** или **ка, ро, ва**. Но чтобы научиться писать и читать, необходимо уметь разлагать слова на звуки; поэтому все грамотные люди делают такой анализ безошибочно.

Интересно, однако, что в китайском языке дело обстоит не так. Китаец, даже грамотный (знающий иероглифы), если он не знаком с письменностью типа нашей, т. е. с письменностью буквенной, не осознает внутри слога гласный звук.

Значит, есть основание думать, что если бы мы тоже пользовались иероглифической, а не буквенной письменностью (т. е. обозначали бы не отдельные звуки, а целые слова), то, быть может, не умели бы, даже и будучи взрослыми, разлагать слоги на звуки.

Похожее развитие замечается при овладении грамматикой. Какое-то время ребенок правильно употребляет грамматические формы, но они еще изолированы в его мозге, как если бы это были отдельные слова. Лишь потом он начинает понимать, что «столу» и «кошке» — это формы, имеющие одинаковую грамматическую характеристику, а «кошка», «кошки», «кошке» и т. д. объединены в языке в единую систему.

Но особенно важно развитие значений слов. Оно было исследовано в начале 30-х годов советским психологом Л. С. Выготским. Вот что у него получилось.

Оказывается, когда дети разного возраста употребляют даже одни и те же слова, они связывают с ними

совершенно разное содержание. Самый маленький ребенок беспорядочно объединяет предметы под одной «шапкой», под одним именем по самым случайным признакам. Например, одно и то же слово (или, вернее, один и тот же звук «кх»), обозначающее кошку, ребенок применяет также к меху (потому что он мягкий) и к булавке (потому что она царапает). Затем образуется, как говорил Выготский, «мышление в комплексах». Это значит, что ребенок объединяет под одним названием разные предметы, исходя не из того, что у них у всех есть какое-то общее качество (т. е. не производя абстракции), а только из того, что в речи взрослых все эти предметы уже объединены. Выготский сравнивал это с положением в семье, все члены которой носят единую фамилию: мы знаем, что Иван Федорович и Мария Сергеевна — Петровы не потому, что у них есть какие-то внешние признаки, специфические именно для Петровых, а чаще всего просто потому, что кто-то нам сказал, что их фамилия Петровы. И только много позже у детей появляется настоящая абстракция, и, следовательно, можно говорить о настоящих понятиях.

* * *

Язык — это не что-то застывшее и неизменное. Он находится в вечном движении, потому что на говорящих людей постоянно действует множество самых различных факторов — и внешних, как говорят, экстралингвистических, и внутренних, собственно языковых. Русский языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ в одной из своих статей удивлялся тому, что, несмотря на такое количество самых разнообразных обстоятельств, обусловливающих изменения в языке, язык изменяется все-таки не очень сильно и сохраняет свое единство. Но ничего особенно удивительного в этом нет. Ведь язык — это важнейшее средство взаимопонимания людей. И если бы язык не сохранял свое единство, то он не мог бы выполнять эту важнейшую функцию.

Эта книга написана для тех, кто сейчас только учится. Значит, через 25 лет, когда наступит новый век, им будет около 40 лет. Если они изберут своим жизненным поприщем науку, то именно они и будут в начале века ее главной движущей силой.

Рассказывая о науке, надо говорить не только о ее вчерашнем дне, но в первую очередь о сегодняшнем и завтрашнем. Прошрое тоже дело почтенное, но не оно определяет главные линии и основные задачи развития науки.

Итак, о лингвистике.

Живи мы с вами в прошлом, XIX в., достаточно было бы написать «лингвистика — наука о языке». И этим все было бы сказано. Наука прошлого века четко разделялась на отдельные «клеточки» в зависимости от изучаемых ею объектов. Сколько разных объектов — столько разных наук. Физика была наукой о физических объектах, о физических формах движения. Физиология — наука о строении и функционировании человеческого организма. Психология — наука о «душе», наука о человеческой психике. Точно так же и лингвистика была наукой о языке.

В нашем, XX в. изменился сам принцип классификации наук. Появилось несчетное количество пограничных областей, смежных дисциплин под «двойными» названиями вроде физической химии, астробиологии, инженерной психологии. Это случилось не потому, что появилось больше объектов для изучения (конечно, в общем-то их стало больше, но не это определяет изменения, о которых здесь говорится). Дело здесь в том, что на смену одной науке, охватывающей целиком один вид объектов, пришло несколько наук, рассматривающих один и тот же объект с различных точек зрения. Науки

стали как бы перекрывать и дополнять друг друга. Если раньше жизнь и поведение животных изучались зоологией, то теперь появились зоопсихология, зоосемиотика, экология, этология, зоогеография и множество других научных направлений, а то и сложившихся наук. Если раньше язык, речь, языковая способность человека изучались лингвистикой (языкознанием), то теперь появились социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, биолингвистика. Да и сама «старая» лингвистика стала иной, но об этом ниже.

Заметьте себе, это процесс общий для самых разных наук и при этом совершенно объективный: все названные «лингвистики» с разными «приставками» появились совсем не потому, что кто-то сел и выдумал новую науку. Так не бывает. Если появилось и укрепилось новое научное направление, значит, для этого были объективные и субъективные причины.

Объективные — т. е. возникли какие-то проблемы и в самой науке (теоретические), и, что особенно важно, вне ее (практические), которые «по-старому» не решаются. Субъективные — т. е. сами ученые осознали, что надо работать «по-новому», что «старая» наука в чем-то уже не годится.

Казалось бы, не так трудно это осознать. А на самом деле в науке, в том числе и в лингвистике, нередко разыгрываются подлинные драмы. Конечно, лучшие из ученых старого поколения всегда чувствуют веяние времени и способны до самых последних дней идти вперед, вслед за новыми задачами и новыми идеями. Таким был недавно скончавшийся профессор Московского университета Петр Саввич Кузнецов. Воспитанный на «традиционной» лингвистике, он все время удивлял своих коллег странным, с их точки зрения, направлением своих интересов. Петр Саввич оказался первым нашим профессиональным лингвистом, который занялся африканскими языками, так сказать, «дедушкой советской африканистики». Он был первым нашим

лингвистом, серьезно отнесшимся к машинному переводу и понявшим его не только прикладную, но и теоретическую значимость для самой лингвистики. А в последних своих работах он всерьез занялся проблемами происхождения человеческой речи. Он не следовал за модой: он ее создавал. Но так, к сожалению, бывает не всегда.

Но оставим субъективные причины в стороне и займемся объективными.

Начнем с самой лингвистической науки. Как и любая наука, она развивается по определенным законам. И, видимо, можно сделать известные выводы о тенденциях ее дальнейшего движения, если попытаться выяснить, есть ли такие закономерности развития, которые были бы общи для всех наук.

Такие закономерности, безусловно, есть. О них (применительно к своей науке — физиологии) прекрасно написал в своей книге известный советский физиолог Н. А. Бернштейн. Ученый пришел к следующему выводу. Сначала любая наука проходит стадию эмпирического собирания фактов. В это время она еще не наука в точном смысле слова, а «становится наукой... в тот момент, когда она оказывается в состоянии применить к каждому явлению своей области два определяющих вопроса: 1) как происходит явление и 2) почему оно происходит».

Наша нынешняя лингвистика уже достаточно хорошо знает, «как происходит явление». Она разработала сложную и изощренную систему понятий и методов описания разных языков и описания процессов исторического развития языков. И в этом отказать ей никак нельзя.

Скажем больше: она, как это и описывает Н. А. Бернштейн, перешла уже от качественной характеристики явлений к их количественной характеристике. Лет пятнадцать назад наделало много шума появление у нас так называемой математической лингвистики.

Наиболее рьяные ее сторонники, главным образом из числа профессиональных математиков (а не лингвистов), тут же заявили о том, что «качественная» лингвистика вообще не имеет права на существование. Подобного рода «уничтожающие» заявления вообще редко соответствуют реальному положению вещей, а здесь это был просто призыв из одного тупика в другой.

Поэтому какой бы изощренной описательная лингвистика ни была, но на второй вопрос, о котором пишет Н. А. Бернштейн, она ответить не в состоянии: вопрос «почему?».

Это совершенно понятно. Ведь как человек говорит, зависит не только от того, о чем он говорит. А наша лингвистика может оперировать как следует только с этой стороной вопроса, да и то далеко не полностью. Здесь необходимы новые подходы, необходима совместная работа представителей разных специальностей. Ведь речь человека управляется не только собственно языковыми, а и психологическими факторами, и психолингвистическими (т. е. касающимися внутренней организации высказывания), и социально-психологическими (т. е. относящимися к различным употреблением языка в человеческом обществе), и социологическими, и этнографическими, и антропологическими, и другими.

Сейчас в лингвистике как раз такой период, когда мы уже дали явлениям языка (речи) исчерпывающую описательную характеристику и перешли к «постановке всех суждений об этих явлениях на почву строгой причинности и... формулированию законов протекания в зависимости от этих явлений» (Н. А. Бернштейн). На наших глазах создается новая лингвистика — лингвистика, которая будет располагать достаточными возможностями, чтобы ответить и на вопрос «почему?». Но для этого она должна многому научиться у смежных с ней наук: логики и психологии, физиологии высшей нервной деятельности и антропологии, социологии и этнографии...

Социолингвистику, психолингвистику, этнолингвистику часто называют науками. Едва ли это науки. Пройдет какое-то, не очень долгое, если судить по нынешним темпам научного развития, время, и лингвистика снова «примет в себя», интегрирует все эти «науки». Один из молодых американских лингвистов, вернее, этнолингвистов, — Делл Хаймс в рецензии, опубликованной еще в 1965 г., писал, что дело идет к созданию «общей теории места языка в социальной жизни», «эволюционной теории языка», которая включит в себя и лингвистику, и психолингвистику, и социолингвистику.

Он считает, что такая наука будет создана в начале ХХI в. Думаю, что с ним можно согласиться.

Конечно, согласившись, надо хорошенько разобраться в одном вопросе, от которого американцы нередко отмахиваются. Это вопрос о философской основе подобного рода общей теории языка. Для нас здесь, собственно, не существует и вопроса: такой основой может быть лишь марксистско-ленинское учение о человеке и обществе — исторический материализм.

Итак, что касается внутренних тенденций эволюции лингвистики, у нас есть основания думать, что она коренным образом изменится. Чтобы заниматься языком, к началу ХХI в. нужно будет знать многое и многое из того, чему сейчас не учат на филологических факультетах.

Учтите это и постарайтесь не оказаться в положении лингвистов нашего поколения, которым пришлось, так сказать, в пожарном порядке овладевать такими несвойственными «традиционному» лингвисту вещами, как математика, психология, социология.

Но хватит о внутренних тенденциях — поговорим теперь о внешнем «давлении» на лингвистику со стороны практики.

Если посмотреть, как обстояло дело в лингвистике за последние полвека, то можно легко увидеть, что таких

практических задач, которые стояли бы перед лингвистикой, вынуждая ее к дальнейшему развитию, было крайне мало. Разве что обучение иностранному языку, которое часто именовалось прикладной лингвистикой. Как ни странно, но здесь лингвистика сыграла в какой-то мере даже отрицательную роль. Она породила так называемый переводно-грамматический метод: языку учили, как географии или истории, — не учили общаться на этом языке, а заставляли учить правила. Это случилось, кстати, именно потому, что лингвистика не знала, **почему** мы говорим, а только **как** мы говорим. А чтобы научить человека говорить, нужно знать ответ и на вопрос «почему?».

В 50-х годах появились еще две мощные области, в которых языкознание нашло практическое применение. Одна из них, конечно, машинный перевод. Он пережил свой взлет, когда кое-кому казалось, что пройдет два-три, от силы десять лет — и мы сможем с одного конца машины заложить томик «Войны и мира», а из другого вынуть готовый английский перевод чуть ли не в сброшюрованном и переплетенном виде. Потом взлет сменился чем-то вроде упадка. Упадка, впрочем, не было: просто стало ясно, что никаких легких и быстрых успехов здесь добиться не удастся (серьезным специалистам это было ясно с самого начала!).

Другая область менее известна и значительно более ответственна. Это — афазиология. Афазией называют такое состояние человека, когда из-за ранения, опухоли или другого повреждения мозга он оказывается не в состоянии говорить и понимать речь. Чтобы восстановить у него способность говорить, надо хорошо знать, как человек говорит. Поэтому врачи-афазиологи стали серьезно заниматься лингвистикой,

В дальнейшем, в 60—70-е годы, возникло еще множество задач, для решения которых потребовалась лингвистика. Все их даже нет возможности перечислить. Поэтому мы остановимся только на некоторых.

Как-то ко мне пришел за советом молодой лингвист из одной латиноамериканской страны, получивший образование в московском Университете дружбы народов. Он интересовался, куда можно обратиться, чтобы в его страну приехал советский ученый, занимающийся вопросами так называемого языкового строительства, и помог местным специалистам. Оказывается, в его стране, где наряду с испанским есть множество местных индейских языков, эти языки описаны плохо, почти не преподаются в школе, нет учебников и словарей на них и т. д. Нужно все это создать, нужно дать возможность маленьким индейцам научиться читать и писать на их родном языке. Все это — дело лингвиста, а точнее — социолингвиста.

Еще одна задача. Советское радио сейчас вещает на нескольких десятках языков. Его слушают чуть ли не во всех странах мира. Естественно, что одна из важнейших наших задач — не просто объективно информировать зарубежных слушателей о том, что происходит в мире, но и активно бороться за их души и умы, убеждать их в правильности нашей идеологической позиции, нашего, марксистско-ленинского отношения к происходящему в мире. Чтобы этого добиться, надо не только уметь перевести текст на тот или иной иностранный язык, но построить текст так, чтобы он был привычен для слушателя, употреблять те, а не иные слова, те, а не иные сравнения, образы, метафоры.

Вот диспетчер большого аэропорта. Его дело — выслушать рапорты пилотов о том, что они подошли к аэродрому и находятся на такой-то высоте в таком-то секторе, и отдать им соответствующие распоряжения насчет посадки. Многословие здесь неуместно. Вся необходимая информация должна быть вложена в краткую, но очень емкую фразу, которая «пробилась» бы через любые радиопомехи. Какой должна быть эта фраза? Ответить на этот вопрос — дело лингвиста или, скорее, психолингвиста.

Вот следовательно, которому надо найти преступника по обрывочной магнитофонной записи телефонного разговора (такие случаи были в ФРГ, США). Сам он этого сделать не сможет. Ему поможет лингвист.

Какие же практические области, нуждающиеся в участии и совете лингвиста, будут интенсивно развиваться в ближайшие 30 лет?

Первая мысль — о космосе. Связь с экипажем космического корабля. Расшифровка возможных сигналов из других цивилизаций.

Революция в области информации. А значит, информационно-поисковые языки. Автоматическое реферирование. Машинный перевод научных текстов.

Развитие национальных культур народов Азии, Африки, Америки, Океании. А значит, создание новых письменностей, литературных языков, общественно-политической и научно-технической терминологии, написание грамматик, учебников и словарей, разработка методов обучения иностранным языкам. (Попробуйте растолковать папуасу из племени асма, в языке которого «пристать к берегу на каноэ, чтобы лечь на нем спать» выражается в одном-единственном слове с множественным суффиксом, как вьетнамец обходится в своем языке одними только корнями!)

Кстати, если вы хотите заниматься иностранными языками, но не решили какими, могу подсказать, специалисты по каким именно языкам будут особенно нужны в ближайшие 30 лет. Во-первых, по языкам Африки, особенно тем, на которых говорят в нынешних экономически малоразвитых странах. Смело учите языки банда и багирми, азанде и сонга, макуа и малави, овамбо и овагереро, вачокве и шона, тсонга и коса. Во-вторых, по языкам индейцев Америки — тупи и кечуа, аймара и гуарани, тукано и гуайкуру. И в-третьих, по языкам народов Океании, начиная с Новой Гвинеи, где языков около 500, причем подавляющее большинство их практически не исследовано.

Сейчас народы, говорящие на этих языках, участвуют очень мало или совсем не участвуют в политических, торговых, культурных связях с другими народами, их национальная культура развивается слабо и в относительной изоляции. Но близится время, когда они уверенным шагом выйдут на мировую арену. А сейчас, в 70-х годах XX столетия, у нас в Советском Союзе всего-навсего четыре специалиста по языкам Южной Америки и два — по языкам Новой Гвинеи.

Но самое главное, чем лингвисту придется заниматься к 2000 г., относится к изучению самого человека. И даже не столько к его изучению, сколько к его развитию — развитию его умений, навыков, способностей. Как легче и надежнее всего научить первоклассника грамоте и письму? Как развить у старшеклассника чутье языка и стиля, эстетический вкус в области литературы, позволяющий отличить настоящий бриллиант от поддельного? Я уже однажды писал обо всем этом — в книжке «Языкознание и психология». И позволю себе процитировать в заключение несколько абзацев из этой книжки.

«Кому мы нужны?

Этот горький вопрос мне не раз приходилось слышать от лингвистов самых разных возрастов и интересов.

Он не случаен. В наш век спутников и атомных электростанций, антарктических зимовок и большой химии наша специальность кажется какой-то лишней, мало нужной, пятым колесом в телеге современной науки.

Но наука — это не только знание Человека об окружающем его мире. Это и знание Человека о самом себе.

Он борется, изобретает, строит. Он стирает с лица Земли все формы угнетения. Он обеспечивает себе постоянный кусок хлеба. Он узнает все больше и больше о мире, в котором живет, чтобы суметь использовать для своего блага — блага человечества — все,

что лежало миллиарды лет в тайниках Природы, дожидаясь его прихода.

И естественно, что для этой цели больше нужны химия и физика, геология и биология, астрономия и математика. Поэтому наш век — век точных наук.

Но наступит такой момент, когда Человек переведет дух, оботрет руки, прокопченные дымом, снимет перепачканную землей, мазутом и кровью спецовку и устало скажет: «Ну, кажется, с первоочередными делами кончено».

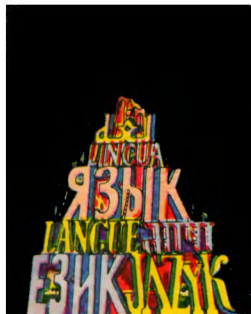
И тогда наступит расцвет тех наук, которые по старинке называют гуманитарными. Только, к сожалению, этимологию этого слова никто не вспоминает. Поэтому переведем его на русский язык: человеческие науки.

Расцвет этот наступит не потому, что Человеку нечего будет делать и он от скуки начнет заниматься языкознанием или логикой. Просто ему надо досконально знать, что он такое и на что он способен.

Уже пришла пора закладывать основы той будущей науки о Человеке, которая поможет ему стать Человеком во всех смыслах этого слова, Человеком коммунистического будущего». Мы, наше поколение — ученики и подмастерья этой науки. Мы подносим детали, налаживаем станки, набрасываем чертежи.

Работать в ней
будут те, кто
сейчас сидит
за школь-
ной пар-
той.

★

Что такое язык

Алексей Алексеевич
Леонтьев

Содержание

Язык и наука
о нем

3

Языки мира

12

Как мы говорим

56

Лингвистика XXI
века

86

Издательство
«Педагогика»

Художники:

Пивоваров В.
Гороховский С.

Редактор
М. Березина

Художественный редактор
В. Мельников

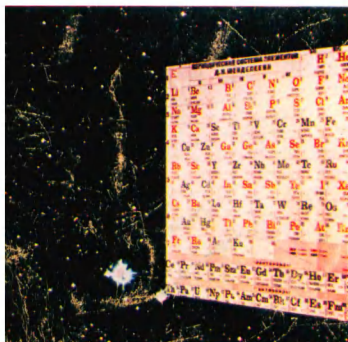
Технический редактор
И. Пономаренко

Корректор
А. Митропольская

A05862. Сдано в набор
13.08.75 г. Подписано в
печать 25.02.76 г. Формат
70 × 100^{1/32}. Бумага офсет-
ная № 2. Печ. л. 3,0. Усл.
печ. л. 3,87. Уч.-изд. л.
4,46. Тираж 200 000 экз.
(План 1976 г. № 53). Заказ
997. Цена 14 коп.

Издательство «Педагоги-
ка» Академии педагогиче-
ских наук СССР и Государ-
ственного комитета Совета
Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и
книжной торговли.
Москва, 107066, Лефортов-
ский пер., 8.
Ордена Трудового Красно-
го Знамени Калининский
полиграфический комби-
нат Союзполиграфпрома
при Государственном Ко-
митете Совета Министров
СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и
книжной торговли.
г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Читайте
следующую
книгу библиотечки
«Ученые — школьнику»

●

«Великий закон» — так будет называться следующая книга библиотечки «Ученые — школьнику». Написали ее академик И. В. Петрянов и доктор химических наук Д. Н. Трифонов. В книге будет рассказано о научном подвиге Д. И. Менделеева, о том, как был открыт Периодический закон химических элементов, о том, что было после открытия и как сбылись пророческие слова Д. И. Менделеева: «...по видимости, периодическому — будущее не грозит разрушением, а только надстройкой и развитие обещает...»

